
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2018/3

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2018

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Гочо Гочев,
проф. д-р Стефка Георгиева, проф. д-р Елена Стоянова,
проф. д-р Татьяна Алексиева

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Владова (главный редактор), доц. д-р
Радослава Илчева (зам. гл. редактора), доц. д-р Димитрина
Лесневска (зам. гл. редактора), проф. д.ф.н. Христо
Манолакев, Екатерина Солнцева-Накова (отв. секретарь),
Радослава Лесневска (технический редактор).

**Журнал «Болгарская русистика» включен в Национальную
библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ
по адресу: <http://www.eLibrary.ru>**

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

М.Д. Кузова

О СУТИ ПАРАДОКСА – УПРАВЛЯЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ И
ОСНОВНЫЕ ТЕХНИКИ ЭКСПРЕССИИ В БОЛГАРСКОМ И
РУССКОМ ЯЗЫКАХ 5

Г.В. Ангелова

НОМИНАЦИЯ ЛЕКАРСТВЕННОГО ТРАВЯНИСТОГО
РАСТЕНИЯ «ШЛЕМНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ»
(SCUTELLARIA GALERICULATA L.) В РУССКОМ И
БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ..... 17

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.П. Захариева

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ И ЕГО ПРИОБЩЕНИЕ К МЕТОДУ
МЕТАИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ..... 25

С.Г. Шулежкова

ЧУДАКИ УКРАШАЮТ МИР
(к 150-летию юбилею М. Горького) 35

А.Н. Безруков

ВЕРИФИКАЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ С.Я.
НАДСОНА В ПОЭМЕ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА «МОСКВА –
ПЕТУШКИ»..... 48

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.А. Вострякова

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ ВОСПРИЯТИЮ РУССКОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ЭЛЕМЕНТАРНОМ
УРОВНЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ 63

ХРОНИКА

Д.С. Лесневска

XVI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СЛАВИСТОВ –
КРУПНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ 81

РЕЦЕНЗИИ

С. И. Георгиева

ЖУНУСОВА Ж.Н., ЕРМАКОВА В.А., АЙТПАЕВА А.С.,
СМАГУЛ А.К., КЫЗЫРОВА М.А., БАЙЗАКОВА Г.К.,
ЭРКИНБАЕВА А.К., ИМАНБЕКОВА Э.К. ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ. СОФИЯ: HERON
PRESS, 2018.– 239 С..... 88

IN MEMORIAM

ОРХИДЕЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА ИРИНА ЗАХАРИЕВА (1935
– 2018) 93

Н. Ерменкова

ДОЦ. Д-Р ИРИНА ЗАХАРИЕВА (21.09.1935 – 05.07.2108)..... 97

А. Методиева

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 101

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 103

ЛИНГВИСТИКА

Кузова Майя Димитрова
доктор филологии, гл. ассистент
Пловдивский университет им.
Паисия Хилендарского
Болгария, г. Пловдив
e-mail: majakuzova@abv.bg

Kuzova Maja Dimitrova
Chief Assis., Ph. D.
Plovdiv University «Paisii Hilendarski»
Bulgaria, Plovdiv
e-mail: majakuzova@abv.bg

М.Д. Кузова

О СУТИ ПАРАДОКСА – УПРАВЛЯЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ И ОСНОВНЫЕ ТЕХНИКИ ЭКСПРЕССИИ В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: В разговорной речи многих языков стремительно набирает скорость необычное, ярко парадоксальное на первый взгляд выражение сильной эмоции и темпераментной оценки. Типизируются особое наслаивание семантических внушений, переплетение и контраст эксплицированных и внушаемых или выводимых в контексте оценочных знаков. Алогичные эмоционально-оценочные речевые факты исключительно фреквентны, демонстрируют системный характер, задавая своеобразную новую норму. Исследование подобных моделей приводит к выделению нескольких рядовых принципов, лежащих в их основе. В статье представлены ведущие тактики языковой манифестации эмоций и экспрессивной оценки в болгарском и русском языках.

Ключевые слова: эмоция, оценка, гипербола, контраст, ирония, повторение, компрессия, нулирование.

M.D. Kuzova

ON THE ESSENCE OF PARADOX – GENERAL PRINCIPLES AND BASIC EXPRESSION TECHNIQUES IN BULGARIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract: An unusual, at first sight, curious paradox in speaking, about expressing strong emotions and temperamental assessments gains speed in many languages. A particular accumulation of semantic implications, intertwining and contrast of the explicated, and implied or identified in the concrete context assessing symbols. The illogical, assessment-emotional speaking facts are extremely frequent, they are of a systematic character, introducing a new, original standard. The research into such models enables drawing a few fundamental principles, laying in their basis. Leading tactics for

language manifestation of emotions and for expressive assessment in Bulgarian and Russian are presented in the article.

Keywords: emotion, assessment, hyperbola, contrast, irony, repetition, compression, nullifying.

Материал является тезисным обобщением результатов обширного монографического исследования, посвященного конфликтным экспликациям эмоции и оценки в болгарском и русском языках [5].¹ В рамках впечатляющего разнообразия своеобразных эмоциональных реакций очерчиваются закономерности и системные проявления, аналогичные в двух языках, но вызов перед исследователем, выискивающим характерологию экспрессии – огромен. Аксиологическое осмысление и эмоциональное выражение оценочного отношения типично отмечены кажущейся или действительной алогичностью, маркированной экспрессивно в парадоксальных квалификациях типа **б.яз.** *адски приятно / гениална тъпотия; Жестоко! В отпусака съм и морето ме чака! / Чудесно! Забравих си ключа!; р.яз.* *страшно рад / шедевральный маразм; Ужас! Как хорошо! / Прелесть! Хлеба ни крошки!..*

Бесспорная и реально непреодолимая, алогичность волнует, в той или иной степени, всех носителей языка [3, с.103]. Она вызвана резким оцениванием отклонения, ненормативного, аномального, которое всегда озадачивает.

Эмоциональные по своей сути конкуренция и конфликт между + и – оказываются неизбежными, так как проявления эмоции принципиально нестабильны и *отливаются* в глубоко специфических языковых формах. Пиковая эмоция в осуществлении оценочного акта демонстрируется через транспозиции и трансформации структур, через контаминации смыслов в одной лексеме, в том числе произвольно нагруженной ими, «невыразимую» эмоцию выражают и несовместимые по семантике партнеры, тем не менее сожительствующие в границах экспрессивной фразы. Так,

¹ На свидетельствах более 1700 примеров выведены типичные направления переосмысления знака оценки. *Парадоксальные* факты (разных уровней) рассмотрены с точки зрения структуры, семантики, прагматики. По отдельным аспектам многолетней работы отпечатано и много статей.

темпераментная оценка (человека, предмета, ситуации, явления) может проявляться в необъяснимом ракурсе, быть нерасчлененной и крепко обвязанной с конситуацией, может проистекать из оксюморонного объединения противостоящих до конфликта лексем, что осложняет прямую и внушает вторичную, другую семантику.

Экспрессивному семантическому *опустошению* повержены практически все лексемы, вступающие в отношения с другими для выражения сильной эмоции. Интенсивность ее экспликации способна затушевать, а также активировать, различные семы или вызвать (неожиданные) новые в семантической структуре слов – это или их десемантизирует, или преобразует до неузнаваемости. Значит, следует признать реальным «воображение знака» (Р. Барт) в его роли особого средства выражения оценки и связанной с ней эмоции. Именно это иллюстрирует естественное чередование оценочных *божественно красив, красив като бог, пее (танцува, рисува) като бог и дяволски красив, пее (танцува, рисува) като дявол; р. она красива как богиня и она чертовски (дьявольски) красива*. Оформляются новые системные отношения, новая парадигматика, новая синонимика и антонимика: в синонимические отношения вступают *бог и дявол, убийственно и гениально, ужасно и чудесно*. Раскачивается до конфликта стилистическая палитра: *б. идиотски изискана, брутално талантлива; р. шикарно тупая, потрясно обворожительная*. Экспрессивизация пиковой оценки упирается в некоторую «невозможность»: *б. неописуемо хубаво / лошо; р. невыразимо хорошо / плохо*. Четко обособляется характерный класс оценочных средств – они занимают позиции в условной шкале с учетом интенсивности признака в узкой связи со степенью эмоции, приравняваемой к категории аффективности.

Оценка относится к интенциональному аспекту языка, где переломление картины мира в сознании человека осложняется рядом факторов. Поэтому исследование закономерностей ее выражения показательно для установления и общей *философии* оценивания, и специфики в различных языках. Нами была предпринята попытка исследовать реальность и оправданность **парадоксальной** оценочной риторики. Сосредоточенность на «анормальном» определила интегральный подход и индуктивный метод, почти неотделимый от

языковой реальности (*люди так говорят*), и нелегко было зафиксировать нужные факты (закономерности), отграничив их от смежных явлений (окказионализмов, например). Главный вопрос был: возможно ли во всем обилии языковых *оригинальностей* найти общее, выявить принцип; наличествует ли отработанная манера, располагающая своим корпусом эмоционального реагирования? Если начать с ответа – да. Оценочная экспрессия (по параметрам и уровням) имеет видимость речевой *стратегии*, а в направлении недостоверности и фальсификации эксплицированного знака демонстрирует стандартизацию, **системные проявления**. Их можно классифицировать и описать, т.е. они подлежат кодификации – формальному представлению в грамматиках и словарях.

С. Димитрова отмечает, что немало антисистемных тенденций и асистемных фактов остаются незамеченными исследователями, поскольку не отличаются той повторяемостью, воспроизводимостью и множественностью, которые присущи системным явлениям [2, с.43]. Явление, привлекающее наш интерес, напротив, заявляет повторяемость, воспроизводимость и множественность, что ведет к заключению о системности в «антисистеме».² Общей чертой современной живой речи является факт, что неурядицами не пренебрегают (подчас их толерируют), это раздвигает границы языковой периферии, которая оказывается нагруженной и особой экспрессивной функцией. Экспрессия, категориально охватывающая выразительно-изобразительные качества речи, последовательно передается грамматическими и лексическими средствами, которые взаимодействуют виртуозно: *не те* аффиксы, особая номинация, *строптивая* сочетаемость, фигуральное структурирование, транспозиции категорий.

Эмоция и оценка объединяются присущей им (и в отдельности) противоречивостью, неуловимостью; они всегда взаимосвязаны и взаимозависимы, что дополнительно осложняет (кроме их исследования) их фактическую языковую формализацию. Чаще всего она **вне-** или **ненормативна**. Если реальное отношение в оценке *Он очень глуп!* приближается к критике *Это ужасно!* и таким образом легализует выражение *Он ужасно глуп!*, то где ужасное в

² Об охвате терминов *асистемность* и *антисистема* см. [2, с.41-42].

констатации интеллекта, доброты, почтенности: *Той е ужасно умен, ужасно добър, ужасно свестен човек!*; **р.** *Он ужасно умный, ужасно добрый, милый, отзывчивый человек!*

Как говорит Н. Д. Арутюнова, ненормативное создает не только наказания и систему контроля, но и помогает вывести норму, сам кодекс [1, с.79]. И соблюдение правил, и их нарушение это любимые человеческие занятия, а накопление особого, аномального материала обязывает языковедов к нему присматриваться.

Большая часть исследованных нами проблемных фактов несомненно являются результатами динамики в антисистеме – например, откровенные нарушения «разумной» семантической валентности. Но анализированный корпус отнюдь не однороден, и речь не всегда идет собственно об аномалиях: в широкий контекст попадают формально алогичные размерные показатели (**б.** *много малко, малко много*; **р.** *очень мало*), метафоры и девиации, которые редуцируются «помирительными» адаптивными процессами. Их общая характерология – результат взаимодействия принципов **гиперболы, контраста, повторения, компрессии, иронии и нулирования.**

Гипербола является модификацией семы большого размера или интенсивности через ее аффективное усиление до нонсенса. Гиперболизация меняет логическую значимость (слова, сочетания слов, фразы) и ведет за пределы открытого выражения смысла. Это некая «псевдопропозиция» с логическим противоречием, *созданным* эмоциональным состоянием автора, куда вовлечен и реципиент, чьи внимание и эмоция сильно ангажированы [7, с.332].

В исследованной сфере принцип гиперболы формализуется в **контрасте**, строящем «экспрессивные синтаксемы» (о термине см. [5, с.43-46]): **б.** *Страшно ще съм доволна, ако спечеля!*; *Безумно хубава снимка!*; *Той беше ужасно съвършен, ужасно морален, ужасно невинен*; *Представлението беше убийствено добро!*; **р.** *Я чертовски рад тебя видеть!*; *Страшно, до чертиков, нравилась мне шапка!*; *Он ужасно был умный и ужасно славный.* Шаблон из сленга, но (через легкий жаргон) знаковые фразы, совмещающие несовместимое, проникают в разговорную речь. Распространяясь, приобщают и позитивные интенсификаторы, принцип «работает» зеркально –

негативная оценка усиливается с изнаночной стороны и маркирует свой предел парадоксальным (в отношении признака) квантором: **б.** *Това е уникален негодник!; Порядъчен мръсник!; Простотиите ти са просто гениални!; р.* *Так это совершенный подлец!; Восхитительный хам!; Его осенила гениально тупая идея.* Оценочная лексика со знаком минус все-таки решительно предпочитается, а чем выше степень (не)одобрения, тем больше усугубляется парадокс.

Элементы экспрессивных сочетаний, в которых отказ от ограничений на сочетаемость, содержат проблемные для комбинации семы, а их ассоциативные поля предполагают антонимические отношения. В оценочном мини-контексте враждующие семы эмоционально переосмысляются, активизируется периферийный потенциал или конфликт иронизируется. В любом случае «формальная» оксюморонность гарантирует эффект. Большинство кванторов выражают высокую степень, а для некоторых устойчивая функция экспрессивизаторов оценки приводит к *раздваиванию* лексической семантики, что фиксируется лексикографически. Многие аффективные комбинации застывают, приобретают формульный характер с признаками экспрессивных шаблонов. Вовлечение новых интенсификаторов вроде продолжает перенос лексических средств в зоны с неподходящим окружением, но частотность и активное расширение групп характеризуют такое поведение кванторов как типизированное. Все *пришельцы* вторят модель, имеют знакомую экспрессивную валентность и подтверждают принцип.

Гипербола и контраст попадают в сферу действия двух парадоксально дополняющих друг друга противоположных тенденций в динамике современной разговорности: облегчения (эллиптичности, сегментности, фрагментарности) и накопления (повторения, многократности, излишества).

Первая тенденция представлена общими восклицаниями (**б.** *Кошмар!; Ужас!; Страхотия! / Чудесно!; Приказка!; р.* *Отпад!; Писк! / Класс!; Супер!*), но принципы переплетаются: пик оценки манипулятивен и гиперболически использует противоположный знак, а контраст – в **компрессии** (амбивалентности) оценочного знака. Это расширяет речевой капацитет оценки до полной

«законспирированности» вне контекста: **б.** *Такава красота не си виждал! Лудница! / Нямам чисти чорапи... Красота!;* **р.** *А хорошо здесь! Зараза! / Все голодными ушли! Блеск!*

В оппозиции с контрастом и в рамках второй тенденции принцип **накопления** тоже добивается эффекта. В широком смысле тавтология нами рассматривается как парадокс излишества, механизм **повторения** проявляется в редупликации кванторной и аффиксальной семантики: **б.** *леко тъпичък, малко скъпичко, малко се поизложих, лекичко се поразмърдах, съвсем мъничко почетох;* **р.** *чуть приоткрытый, несколько солоноватый, легонько приврал, лишь самую чуточку (малость) приукрасил.* Это нельзя считать формальным «зацикливанием» – наслаивание расширяет стартовый потенциал суффиксальных лексем и прагматически обязывает оценку с субъективной в ней неуверенностью. Существенно расшатан количественный показатель, что усиливает уклончивый характер оценочной семантики за счет нюансов дискретного номинирования. Дублирование ожидаемо, оно участвует в создании фразы, поэтому ее «облегчение» нежелательно или невозможно: модель предполагает неоднократное маркирование, как элемент структурной стратегии. Парадокс кумуляции наблюдаем и во многих проявлениях устойчивой тавтологии: **б.** *Хубавото си е хубаво!; Не лошо, а лошо!; То разговор ли е като разговор!; Патка с патка!; Глупак като глупак!; Глупак на глупаците!;* **р.** *Люди как люди!; Мастер так мастер!; Вор есть вор!; Болван болваном!; Всем дуракам дурак!*

Компрессия является важным признаком фраз-реакций, как примеров и того, что содержательная сторона коммуникации может редуцироваться до минимума, импульсивная оценка может быть невыводимой, а экспрессия сводится к отсвечиванию эмоций: **б.** *Ти да видиш!;* **р.** *Абзац!; Ишь ты!* Ведущим, однако, следует признать принцип контраста. Его широкая представленность регулируется некоторыми значимыми системными **рестрикциями**.

Оцениваемый пейоративный признак имеет полноту и дерзко эксплицированный лексемой предел: **б.** *обикновен → голям → кръгъл, абсолютен, пълен, последен глупак; абсолютен идиот, пълен тъпанар, напълно луд;* **р.** *полный тупица, законченный дурак,*

совершенный идиот, абсолютно сумасшедший. Плюсовая же оценка не терпит предела, его показатели прагматически непригодны, особенно стандартные усилители: **б.** **пълен красавец, *абсолютно талантлив, *напълно умен; р.* **совершенно красиво, абсолютно умный.*³ Оценочная степень не фиксирует конца, позиция остается немаркированной специализированными кванторами, а парабола излишества изгибается назад к пейоративизации и парадоксам: **б.** *ужасно красив, убийствено умен, безумно мъдър, кошмарно хубаво, дяволски кадърен, адски приятно, хубаво до болка; р.* *ужасно красивый, страшно умный, чудовищно (чертовски, до боли) красиво, убийствено прекрасно.* Чересчур хорошее настораживает, сверхвысокая степень «упирается» в таинственность, бесконечность (**б.** *безподобно, безкрайно, нечовешко, неземно; р.* *безмерно, бесконечно, беспредельно, запредельно*), граничит с неверием, с отрицанием (**б.** *неописуемо, нереально, невозможно; р.* *нереально, невозможно, невероятно, до невозможности, донельзя*) (о т. наз. *не-территории экспрессии* см. [5, с.209-221]. Ограничения не языковые, а прагматические, существуют в представлениях человека: там у положительного признака нет конца и края.

Ирония активизируется чаще в «точках кипения» (и как следствие гиперболизации). Л. В. Карасев называет ее «проявлением *смеха ума*» [4, с.54]), но в ней обязательно налицо эмоциональное начало. Благодаря своим знаковым атрибутам (переосмысление, неоднозначность) ирония занимает особое место в системе эмоционально-ценностных ориентаций, где играет роль рационального компенсатора. Гиперболично-компенсаторный механизм срабатывает, когда яркая негативная оценка прибегает к адмиративному интенсификатору: **б.** *талантливо тъп, възхитително прост, първокласен гнусар; р.* *гениално тупой, порядочный подлец, отменний пройдоха, възхитителный негодяй, замечательное хамство.* Подобно, драматичная точка похвалы нулируется или иронизируется: **б.** *Страшен помощник!; Хубав ред!; Голяма(та)*

³ Блокирована сочетаемость в категории одушевленности, ограничение менее строго при оценке ситуации, поведения, но наличествует: **б.** *тълен кошмар / кеф; р.* *полное безумие / удовольствие.*

красавица!; р. Хороша подруга!; Прекрасный ответ!; Само совершенство!

Нулирование это особый семантический вариант гиперболической оценки: **б. Невероятна красота!; Направо не е истина!; Няма такива водещи!; р. Бесподобная прелесть!; Удовольствие просто невозможное!** Оно может быть символическим, образным (*падам, откачам, полудявам, умирам // ошизеть, рехнуться, сойти с ума, умереть*): **б. Да откачиши от кеф!; Умирам от радост!; р. Сойти с ума – он чистый ангел!; Ошизеть! Великолепный рассказ!**

В корнях оценочного выражения лежат психолингвистические механизмы, которые разрешают, толерируют, ограничивают или блокируют комбинаторику. Сфера эмоциональной оценочности это часть ценностной картины ментальной жизни человека: в ней от непомерного робеют, оно неестественно, к нему боязнь. Следы табу находим в золотом фонде народной мудрости: **б. От много глава не боли, но и Прекален светец и Богу не е драг!; Много хубаво не е на хубаво!; р. Много, много, а еще бы столько, но и Все хорошо в меру; Что чересчур, то нехорошо; Кто малым доволен, тот у Бога не забыт.** В языке запечатлено опасливое отношение к чрезмерности хорошего, что может сделать его невыносимым: **б. Толкова беше хубаво, че се плаша; Беше толкова красив, че в него имаше нещо отвратително; р. Она была чудовищно, чертовски красива!; Он так здорово играет на рояле, что иногда даже противно.** Это рождает несколько вредную философию – неплохо, чтоб хорошего было вдоволь, но нужна капля тоски для баланса, чтоб не сглазить, не накаркать...

Оценки *хорошо / плохо, ситуации похвала / обида* оппозиционны. Нельзя однако поспешно предполагать использование различных тактик при их выражении. В обеих зонах оценочности активны отмеченные общие принципы и тенденции. Закономерно используются однотипные (клишированные и массово воспроизводимые) средства, а в примерах неизменна **экспрессия контражура**: пик почти всегда манипулятивен и использует противоположный знак. Сильная эмоция «выбирает» интенсивную форму, с которой идентифицируется и через которую дефинируется,

с которой сливается и которая превращается в ее эквивалент. Оказывается, что контраст и парадокс это сам механизм эмоционального выражения высокой степени признака и оценки. Весь исследованный корпус демонстрирует экспрессивную стратегию, последовательно использующую этот механизм, а также распознаваемые тактики, в которых алогичность приобретает характер стандарта. Парадокс это реальность, бесспорно имеет свое лицо и ждет узаконения своего особого эмотивного статуса.

Мнимо или откровенно нонсенсные, экспрессивные словокомбинации и словоупотребления превращаются в языковые факты, в члены системы. Норма и система влияют на то, как говорят люди, задавая реальные, но динамичные границы. Устоявшееся продвигается к норме, оттуда – к системе. Парадоксальные номинации не только не противоречат первой аксиоме коммуникации⁴ (так как всем понятны), а весьма удобны как оценочный прием. Об этом свидетельствует их социальная рефлексия – они повседневны, ими пестрят масс-медиа, охотно используются и в неспонтанном жанре рекламы, где их достоинства в почете: **б.** *убийственно модерен стил, жестоко удобен матрац, зверски вкусни кубети*; **р.** *жутко выгодные цены, отчаянно крутое изобретение, безумная вкусняшка*.

Параллельно с такой номинацией протекает и обратный процесс: превращаясь в стереотипы, яркие оценки постепенно «блекнут», а эффект необычайной стыковки или переосмысления исчерпывается. Понятно, если коннотация выражается в речи часто, она психологически обесценивается, лишается экспрессии. Нейтрализация характерна для части кванторов с фиксированной экспрессивной валентностью: **б.** *страшен, страхотно, ужасно*; **р.** *страшно, ужасно*. Они, как и ряд модельных структур, банальны в узусе, но живучие механизмы создают новые пароксизмы.

Вне сомнения, исследование эмотивно-оценочного пространства важно в прагматическом аспекте. Наблюдаемое удостоверяет динамическую зависимость между оценочными реакциями и коммуникативными ситуациями. Условия и аргументы

⁴ Это метакоммуникационная аксиома «о невозможности некоммуницирования» [6, с.48].

выбора эмотивной формы способны изменить существенные компоненты исходной семантики (потенции) экспрессивизирующихся ресурсов, что развивает их особый коннотационный потенциал. Употребление эмоционально-оценочных словесных знаков мотивируется (не меньше, чем объективными факторами, вызвавшими реакцию) психическим состоянием автора. Они эгоцентричны и гиперболичны, им так и положено. Реализация коммуникативного намерения и перлокуции подкрепляется арсеналом иллокутивных показателей: просодией, интонацией, порядком слов, границами фразы, артистичной комбинаторикой. Они жонглируют знаком, чья суть нередко «всего лишь» в импульсе быстро отреагировать и ярко оценить, а информативность отстывает.

Экспрессивный репертуар является знаковым свидетельством компетенции и речевого выбора говорящего (в зависимости от личностных, социальных, демографических параметров) и симптоматическим маркером силы общественной конвенции. Обдумывая предпосылки выбора, надо учитывать процессы аккомодации – речь, которой отдали предпочтение, выражает индивидуальность, но терпит влияние объективных норм речевой деятельности. При варьировании велика роль *публики*, и каждый элемент окружения может повлиять на выбор. Это объясняет противоречия в функциональной характеристике особых речевых средств: одновременно модельная (устойчивая) и динамическая (лабильная). Трудноопределимая. Таковы и эмоции.

Естественны и расхождения между языками. Этнокультурно специфичны национальный менталитет, а значит, эмотивный и экспрессивный речевой потенциал языковых ресурсов, отражающий стереотипы структурирования мысли. О принципе парадокса напомним на примере факта, что в болгарском (на фоне неэмоциональных *р. работа* и *дело*) *Страшна работа!* это позитивная оценка, а *Хубава работа!* – преимущественно негативная.

Экспрессия – принципиально оригинальна. Ее *выходки* непрерывно обогащают живую речь. Предпочтительно смотреть на это с хорошей стороны, как на нормальный процесс, в ходе которого и язык реагирует на бойкую современность. Следует принимать с

пониманием и любопытством красочные, порой эксцентричные ее ответы.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
2. Димитрова С. Асистемност. Антисистема. Изключения // Славистиката – пътища и перспективи. – Пловдив: УИ, 2015. – С. 40–48.
3. Димитрова С. Развитие на езиковото съзнание у децата // Езиково съзнание. – София: Наука и изкуство, 1998. – С. 15–113.
4. Иванова И.Н. Рациональное и эмоциональное в иронии художественного текста // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова. – Волгоград: Панорама, 2005. – С. 53–58.
5. Кузова М. Парадоксите на експресията в българския и руския език. – Пловдив: УИ, 2018. – 427 с.
6. Попов Х. Прагматика на човешките комуникации // Българско списание по психология. – 1994. – № 2. – С. 47–53.
7. Троценко И.А. Соотношение рационального и эмоционального в идиостиле М. Булгакова // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова. – Волгоград: Панорама, 2005. – С. 330–336.

Ангелова Ганна Вадимовна
доктор филологии, гл. ассистент
Департамент языкового обучения
Софийский университет имени
Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: av_angelova@abv.bg

Angelova Ganna Vadimovna
Chief Assis., Ph.D.
Department for Language Teaching
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: av_angelova@abv.bg

Г.В. Ангелова

НОМИНАЦИЯ ЛЕКАРСТВЕННОГО ТРАВЯНИСТОГО РАСТЕНИЯ «ШЛЕМНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ» (SCUTELLARIA GALERICULATA L.) В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье изложены способы номинации лекарственного травянистого растения «шлемник обыкновенный» (болг. «превара обикновена») в русском и болгарском языках. Рассмотрены его основные ономаσιологические признаки, а также представлены модели номинативных рядов исследуемого растения в русском и болгарском языках и говорах.

Ключевые слова: номинация, ономаσιологические признаки, русский язык, болгарский язык.

G.V. Angelova

NOMINATION OF THE MEDICINAL PLANT COMMON SKULLCAP (SCUTELLARIA GALERICULATA L.) IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

Abstract. The article describes the ways of nomination of the medicinal plant common skullcap in the Russian and Bulgarian. The author outlines its main onomasiological features as well as provides models of its nominative row in the Russian and Bulgarian languages and dialects.

Keywords: nomination, onomasiological features, Russian, Bulgarian.

Известно, что реализация номинации осуществляется с помощью определенных способов, отражающих возможности выражения в языке одного отличительного (мотивировочного) признака. Среди способов номинации наиболее продуктивными являются опосредованный способ и заимствование лексических единиц. В основе номинации лекарственных травянистых растений как в русском, так и болгарском языках лежит метафора, призванная

не только именовать реалии, но и давать оценку, сообщать об отношении человека к именуемому на основе сопоставления отличительных признаков объектов окружающей действительности.

Целью нашего исследования является изучение номинации лекарственного травянистого растения «шлемник обыкновенный» (болг. «превара обикновена») с точки зрения его происхождения, отличительных признаков и способов наименования, а также построение моделей номинативных рядов в русском и болгарском языках.

Латинское имя: *Scutellaria galericulata* L. из семейства *Labiatae*

(семейство Губоцветные).

Наименования в русском языке: бабка, мариновка, маточникъ, полевой звѣробой, расходникъ, синій цвѣтъ, сердечная трава.

Наименования в болгарском языке: лимоната, лимониче, лимонче, лимонъ, маринка, превара, шлемка.

Шлемник обыкновенный (болг. превара обикновена) (*Scutellaria galericulata* L.) – травянистое растение семейства Губоцветные (*Labiatae*), или Яснотковые (*Lamiaceae*) с черешковыми, чаще с городчатыми или зубчатыми листьями, голубовато-фиолетовыми цветками, собранными в колосовидные соцветия на верхушке стеблей. Цветет шлемник обыкновенный в мае-июле. Растение встречается по берегам водоемов, возле болот, на пойменных лугах в европейской части России, на Кавказе и на Балканах.

Так как шлемник обыкновенный относится к травянистым растениям семейства Губоцветные (*Labiatae*), то в наименованиях **шлемник обыкновенный** [3, с. 322] в русском языке и **шлемка** [6, с. 277] в болгарском языке, являющихся «общеслав. заимствованием из герм. яз. Герм. слова (ср., например, Helm) – того же корня, что и нем. hehlen – «покрывать, закрывать», нем. Hülle – «оболочка, покрывало» и т.д.» [16, с. 504], отражен морфологический признак, т.к. форма верхней губы венчика цветков растения подобна шлему - старинному металлическому воинскому головному убору [3, с. 898].

Кроме того, по-видимому, голубовато-фиолетовый цвет двугубых цветков растения лег в основу бытующего русского наименования **синій цвѣтъ** [3, с. 322].

Поскольку наименование **расходникъ** [3, с. 322] в русском языке образовано от расход со значением 'негодные под пашню участки земли' [14, с. 299], то, можно предполагать, что в основе вышеуказанного названия обозначено место произрастания лекарственного травянистого растения «шлемник обыкновенный».

Интересно отметить, что период активного цветения растения (июль) по времени совпадает с великим христианским праздником – Днем памяти Святой великомученицы Марины (17 июля), покровительницы детей и беременных. Логично думать, что названия растения **мариновка** [3, с. 322] в русском языке и **маринка** [6, с. 277] в болгарском языке являются производными от личного имени Марина, «по деня на Св. Марина, който е през месец юли» [4, с. 667].

Эфирномасличное растение «шлемник обыкновенный» во время цветения обладает приятным запахом, что нашло отражение в наименованиях **лимоната**, **лимониче**, **лимонче**, **лимонь** [6, с. 277] болгарского языка, образованных «от тур. limon, което възлиза към перс. līmūn и от друга страна от нгр. λιμόνι, λεμόνι, което е от итал. limone, а то от араб. laimūn» [4, с. 407]. Возможно, что в данном случае актуализируется «специфический признак» (ароматическое сходство с плодами другого растения, лимона), реализующийся посредством метафорического переосмысления.

Следует отметить, что многозначность в ботанической номенклатуре основывается на наличии у растительных реалий общего отличительного признака. Вероятно поэтому, кроме шлемника обыкновенного наименованием **лимонче** [4, с. 407] в болгарском языке обозначают и другие растения с лимонным ароматом: 1) раст. маточина, *Melissa officinalis* и 2) раст. *Lippia citriadora* [4, с. 407].

В семантической структуре фитонима **полевой звѣрбой** [3, с. 322] наблюдается отношение подобия с другими лекарственными травянистыми растениями, например, со зверобоем продырявленным (болг. жълт кантарион) (*Hypericum perforatum* L.) – многолетним

травянистым растением семейства Зверобойные (Guttiferae), т.к. оба фитонима являются универсальными в народной медицине.

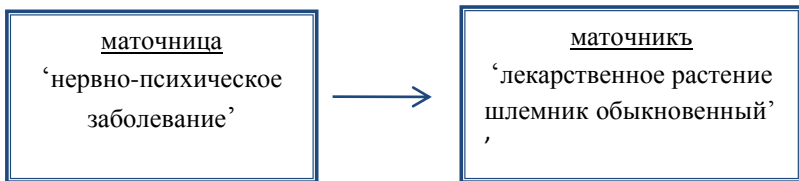
Кроме того, наименование **бабка** [3, с. 322] в русском языке также получено на основе переноса по сходству функциональных признаков «шлемника обыкновенного» с целым рядом различных видов рода «подорожник» (*Plantago*) – одно- и многолетних трав семейства «подорожниковые» (*Plantaginaceae*), обладающего (как и «шлемник обыкновенный») кровоостанавливающим, противовоспалительным и ранозаживляющим действиями: 1) раст. попутникъ, *Plantago arenaria*, толстушка, блошное сѣмя; 2) *P. lanceolata*, подорожникъ, попутникъ, ранникъ (его кладут на раны), порѣзникъ, арженикъ; 3) *P. major*, путникъ, попутникъ, подорожникъ крупный; 4) *P. maritima*, вербейникъ; 5) *P. media*, припутникъ, подорожникъ, арженикъ [7, с. 33].

Следует отметить, что в русском языке лексема «бабка» со значением ‘травянистое растение’ и «бабка» со значениями: ‘насекомое отряда чешуекрылых, *Lepidoptera*; бабочка; бабочка-капустница, мотылек’; ‘комнатная моль’; ‘насекомое *Macrodytes margihalis*, отряда жуков, *Colioptera*; жук-плавунец окаймленный’ [11, с. 21] являются омонимичными наименованиями, т.к. «они не обладают предметно-семантической связью, т.е. у них нет общих семантических признаков, по которым можно было бы судить о полисемантизме одного слова» [10, с. 37].

Наименование **маточникъ** [3, с. 322] от греч. *устѣра* ‘матка’ [15, с. 359] именуется в русском языке не только «шлемник обыкновенный», но и другие лекарственные травянистые растения. Например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» отмечаются: 1) растение медовка, пчельникъ, мелисса, *Melissa offic.*; 2) растение *Cirsium heterophyllum*, пустосель, чертополохъ, репейникъ, татаринъ, лѣсной осоть; 3) растение *Dracoscephalum moldavica*, медовикъ, турецкая мелисса [8, с. 308]. Кроме вышеуказанных, в «Словаре русских народных говоров» обозначаются: 1) растение мать-и-мачеха; 2) растение *Tanacetum vulgare* L., сем. Сложноцветных; пижма обыкновенная, дикая рябинка; 3) растение *Epilobium angustifolium* L., сем. онагровых; кипрей узколистный, иван-чай, копорский чай; 4) ромашка

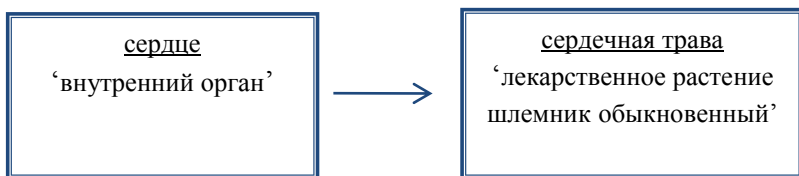
лекарственная и др. [12, с. 34]. Отметим, что в наших предшествующих исследованиях уже рассматривались растения: душица обыкновенная (болг. риган) [1, с. 24-33], мелисса лекарственная (болг. маточина) [2, с. 23-33] с обобщающим наименованием маточникъ, являющимся узловым, связывающим все эти растения практическим применением в медицине при нервно-психических заболеваниях (неврозах), т.к. они оказывают успокаивающее (седативное) действие на центральную нервную систему.

Формирование наименования маточникъ в русском языке схематично можно представить так:

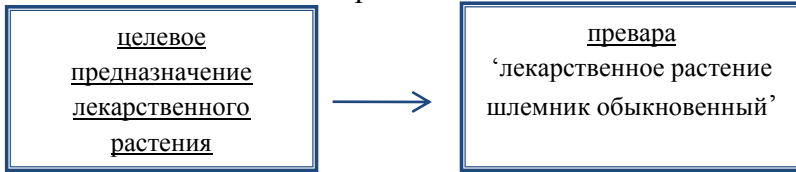
Логично думать, что наименование **сердечная трава** [3, с. 322] в русском языке отражает суть растения в возможности его применения при различных заболеваниях сердца (гипертонии, тахикардии, миокардита и др.), т.е. указывается на патологию внутреннего органа человека.

Схематично это можно представить следующим образом:

В основе наименования **преваря** [6, с. 277] в болгарском языке лежит целевое предназначение лекарственного растения «шлемник обыкновенный», используемого при желудочно-кишечных заболеваниях (тяжести в желудке, послаблениях кишечника), т.к. название образовано от «преваря 'храносмила' – заето от рус. переварить (за стомах) 'смила храна' като представката пере- заменена с бълг. пре-» [5, с. 625].

Схематично это можно представить так:

Как показывают материалы данного исследования, есть основание считать, что в номинативных рядах, используемых для именованя лекарственного травянистого растения «шлемник обыкновенный» в русском языке и «превара обикновена» в болгарском языке, нашли языковое выражение следующие отличительные признаки (Рис. 1, 2):

Рис. 1.

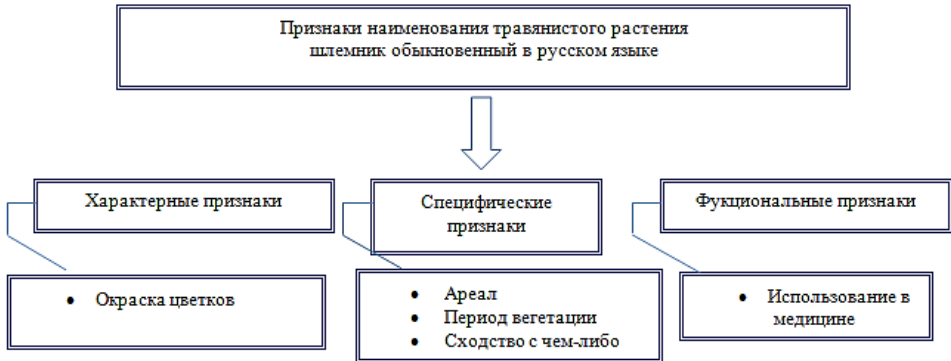

Рис. 2.

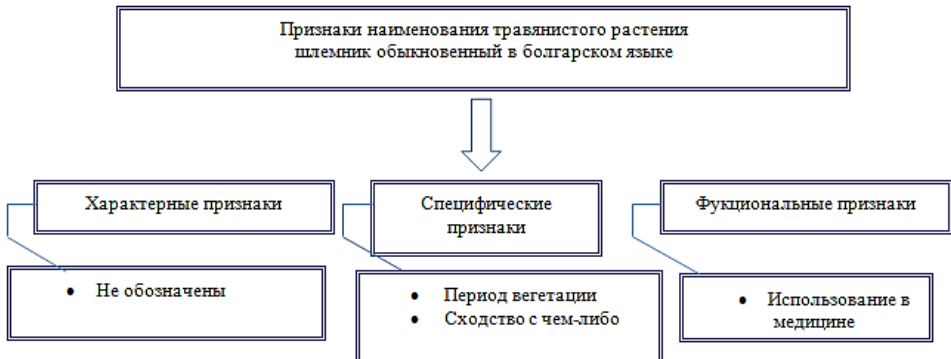

Рис. 1, 2. Обобщенные ономазиологические признаки шлемника обыкновенного (болг. превара обикновена) в русском и болгарском языках

Материалы сопоставительного исследования показывают, что большинство наименований растения «шлемник обыкновенный» образовано путем метафорического переноса значения. Вышеуказанный вид семантических переносов отражает возможность выражения в русском и болгарском языках «специфических» (русск. полевой звѣробой, бабка; болг. лимонче) и функциональных признаков (русск. сердечная трава; болг. превара).

В связи с тем, что мотивировочные признаки лекарственного растения преимущественно связаны с его практическим применением в медицине, то среди них в русском и болгарском языках выделяются номинации, образованные на основе конкретных заболеваний (русск. маточникъ), определенных внутренних органов (русск. сердечная трава), а также целей использования растительного сырья (болг. превара) шлемника обыкновенного.

Кроме того, следует отметить заимствования: общесловянские (русск. шлемник обыкновенный; болг. шлемка), из греческого (русск. маточникъ), арабско-персидского (болг. лимоната, лимониче, лимонче, лимонъ), а также русского (болг. превара) языков.

Среди исследуемых нами наименований в русском и болгарском языках наблюдаются явления полисемии (русск. бабка; болг. лимонче), а также омонимии (русск. бабка), возникшей в результате распада значений многозначного слова в процессе его исторического развития.

Библиографический список

1. Ангелова, Г.В. Номинация ароматного растения душица обыкновенная (*Origanum vulgare* L.) в русском и болгарском языках // Сѣпоставително езикознание. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2016, №1.
2. Ангелова, Г.В. Фитоним мелисса лекарственная (*Melissa officinalis* L.) в ономазиологическом освещении (на материале русского и болгарского языков) // Болгарская русистика. София: Дружество на русистите в България, 2017, №1.
3. Анненков Н.И. Ботанический словарь. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1876.

4. Български етимологичен речник / Съставители В.И. Георгиев и др. Т. III. София: БАН, 1986.
5. Български етимологичен речник / Автори: В. Анастасов и др. Т. V. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1996.
6. Материали за български ботаничен речник / Събрани от Б. Давидов и А. Явашев, допълн. и ред. от Б. Ахтаров. София: Придворна печатница, 1939.
7. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
8. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: «Русский язык», 1998.
10. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. Москва: «Международные отношения», 1994.
11. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 2. Москва, Ленинград: «Наука», 1966.
12. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 18. Ленинград: «Наука», 1982.
13. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетов. Выпуск 21. Ленинград: «Наука», 1986.
14. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой. Выпуск 34. Санкт-Петербург: «Наука», 2000.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. Москва: «Русский язык», 1994.
16. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Москва: «Просвещение», 1971.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Захариева Ирина Петровна
доктор филологии, доцент
Софийский университет имени
Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: irina_zaharieva.bg

Zaharieva Irina Petrovna
Ass. Professor, Ph.D.
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: irina_zaharieva.bg

И.П. Захариева

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ И ЕГО ПРИОБЩЕНИЕ К МЕТОДУ МЕТАИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Аннотация. При обращении к жанру «метафилософия истории» в трактате «Роза Мира», Д.Андреев изучал процессы бытования специфического хронотопа инобытия в сопоставлении с земным историческим процессом. Выработывая метаисторический метод познания, Даниил Андреев лично прошел через три стадии овладения методом: озарение, созерцание и осмысление. Целью его являлось распознавание метафизической природы масштабных исторических феноменов.

Ключевые слова: синтетические образы, глубинные органы личностного восприятия, метаисторическое осмысление.

I.P. Zaharieva

DANIL ANDREYEV AND ITS CONNECTION TO THE METHOD OF METAISTORIC KNOWLEDGE

Abstract. When referring to the genre "metaphilosophy of history" in the treatise "Rose of the World", D.Andreev studied the processes of existence of a specific chronotope of otherness in comparison with the earth's historical process. Developing the metahistorical method of cognition, Daniel Andreev personally went through three stages of mastering the method: insight, contemplation and comprehension. Its purpose was to recognize the metaphysical nature of large-scale historical phenomena.

Key words: synthetic images, deep organs of personal perception, metahistorical comprehension

Даниил Андреев – наш старший современник: он родился в двадцатом веке – в 1906 году.

По существу жизнь Даниила Андреева началась с трагедии. Вскоре после родов в Берлине умерла его молодая мать Александра

Велигорская, супруга Леонида Андреева, дальняя родственница культового писателя Украины Тараса Шевченко.

Перед смертью Александра успела дать имя новорожденному сыну – назвала его Даниилом (что означает в переводе с древнееврейского «Бог мне судья»). Имя «Даниил» ассоциативно связывается с библейской «Книгой пророка Даниила».

Потрясенный горем отец не пожелал даже взглянуть на младенца, т.к. подсознательно связывал его рождение со смертью супруги. Положение спасла бабушка Ефросинья, мать умершей Александры. Она приехала в Берлин и увезла внука в Москву, к старшей дочери Елизавете. В семье супругов Добровых - Елизаветы и доктора Филиппа Доброва - в деревянном двухэтажном доме в центре Москвы протекало детство мальчика. Позже он не раз повторял с чувством благодарности и удовлетворения: «Как хорошо, что я рос у Добровых, а не у отца»[1, с.7].

Когда Даниилу исполнилось всего шесть лет, его опять настигло дыхание смерти близкого человека. Заразившись от него дифтеритом, умерла Бабушка Ефросинья (*Бусинька*, как он ее называл).

Смерть бабушки в семье Добровых окрасилась в мифологические тона. Малолетнему Даниилу рассказали, что бабушка, с его позволения, уехала к покойной маме, и теперь они обе живут в раю. Мальчик хотел утопиться на Черной речке (там под Петербургом находилась дача Леонида Андреева). Он спешил последовать за мамой и бабушкой в райские владения, но в последний момент успели удалить его с моста над Черной речкой.

Дом Добровых был открытым домом, там любили принимать гостей, - особенно тех, кто отличался несомненной духовностью. К супругам приходили знаменитые люди: писатели Иван Бунин и Максим Горький, композитор Александр Скрябин, певец Федор Шаляпин, артисты Московского художественного театра. Доктор Добров садился за фортепиано, а Даниил, оставаясь незамеченным, присматривался к гостям.

С малых лет внешним миром для него стал исторический центр Москвы. Как видно из поэтического сборника Д.Андреева «Русские боги», он выделял те объекты, которые формировали национальное

сознание жителя России. Выделял Кремль, белый Храм Христа Спасителя (разрушенный властями в 1931 году), средневековый храм Василия Блаженного (строителей этого храма ослепил царь Иван Грозный, чтобы исключить вторичное появление на земле подобной красоты). Описывал Третьяковскую галерею – хранилище русских картин и икон, библиотеку, концертный зал консерватории и Художественный театр («...за Белою Чайкой, за Синюю Птицей / Мы все уходили в излучистый путь» [1, с. 40].

Смолоду писатель признавался в стихах в любви к Москве: «Ранняя юность. Пятнадцать лет. / Лето московское; тишь... прохлада.../ В душу струится старинный свет / Первопрестольного града» [1, с. 32].

Родной топос воспринимался экзальтированной натурой Даниила как *сакральное*, священное пространство. И мы видим теперь: наряду с Москвой Михаила Булгакова и Бориса Пастернака получила воплощение в литературе и Москва Даниила Андреева.

В Москве тридцатых годов совершается действие его романа «Странники ночи». Работа над произведением продолжалась с середины тридцатых до середины сороковых годов. Даниил, отдавший роману десять лет работы, назвал написанное современным эпосом интеллигенции. Таким образом своевременно были созданы три романа 1930-х - 1940-х годов о современности. Это известные всем «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Доктор Живаго» Пастернака и «Странники ночи» Андреева. Последнему роману не повезло в том смысле, что произведение было уничтожено охранительными органами еще в рукописи, и для потомков может быть восстановлен только авторский замысел.

Обратимся к замыслу.

Действующие лица в романе «Странники ночи» – группа молодых людей /у каждого из них есть качества, присущие Андрееву/. Возглавляет группу Глинский, знаток Индии.

Глинский выдвигает теорию о чередовании красной и синей эпох в истории России (красное означает возобладание материализма, а синее – приоритет духовности). В послереволюционное время наступила красная эпоха.

Другие члены группы – поэт Олег Горбов и археолог Саша Горбов. Друзья мечтают приблизить конец государственной тирании. Обдумывается в границах литературного текста даже план покушения на Сталина.

Архитектор Женя Моргенштерн приносит друзьям чертеж Храма Солнца. Эмблема храма – крылатое сердце, помещенное в крылатом солнце. Планируется строительство Храма на Воробьевых горах (теперь там находится здание Московского университета).

К финалу герои романа встречаются в Большом зале консерватории на первом исполнении Пятой симфонии Дмитрия Шостаковича. Симфония повествовала музыкальным языком о том, как душу человека давит мощная стихия зла, и душе остается только молитва. Симфония кончалась звучанием молитвы.

Каких же современных поэтов признавал Даниил Андреев?

Событием начала тридцатых годов для него было знакомство с поэтом и художником Максимилианом Волошиным. В 1933 году он отправился в гости к Волошину в Крым - в Коктебель, а в 1935 году – по поводу кончины поэта, случившейся в 1934 году, - создал стихотворение «Могила Волошина». В том же 1935 году им было написано стихотворение «Гумилев». Цитируем из обоих стихотворений. Описывая могилу Волошина на морском берегу, поэт оценивает великую душу усопшего: «Он спит, как жил: открытый всем ветрам / И видимый с любой дороги»[3]; по-прежнему дух поэта остается доступен всем голосам земли. В стихотворении «Гумилев» звучит признание в любви автора эпическому герою. В стихотворении находим утверждение, что для него Гумилев является образом благородного рыцаря. В его восприятии Волошин и Гумилев – поэты-вестники, имеющие связь с потусторонним миром.

В тридцатых годах (1937) Даниил по совету Екатерины Пешковой – бывшей жены его крестного отца М.Горького – пишет письмо Сталину с просьбой вернуть из эмиграции старшего брата Вадима Андреева. Но письмо осталось без ответа (хорошо, что Вадим не вернулся в тот страшный год).

На тридцатые годы приходится жизненное самоопределение Даниила Андреева. Он становится художником-графиком и женится

на Алле Александровне, бывшей жене его друга художника Ивашева-Мусатова.

Об Отечественной войне Даниил Андреев говорил, что два года войны для него были тяжелее, чем последующие десять лет тюрьмы, потому что на войне он не мог найти подходящее место для литературной работы.

Арестовали его в 1947 году за роман «Странники ночи» (кто-то из фальшивых друзей написал донос; текст тогда же уничтожили). Почти одновременно арестовали и жену писателя Аллу Александровну, с которой они жили вместе с 1937 года. Художественное произведение воспринималось органами госбезопасности как документальное свидетельство о преступлении. Посадили в тюрьму еще двадцать человек из его близкого окружения (т. наз. «членов группы» Андреева).

Писатель просидел в тюрьме десять лет - до последовавшей реабилитации, т.е. официального признания властями его полной невиновности. Там, во Владимирской тюрьме (называемой политическим изолятором) началась его работа над метафилософским трактатом «Роза Мира». Создатель трактата предлагал свою модель мироздания.

Те, кто сидел вместе с ним в одной камере, вспоминали, что процесс творчества у Даниила был особый: создавалось впечатление, как будто он наспех записывает то, что ему диктуется откуда-то извне. Ученый-физиолог академик Парин вспоминал: казалось, он связан с информацией извне, которая словно потоком льется на него.

Люди поколения Даниила Андреева в своей страстной жажде вырваться из сетей социального зла, опутавшего общество, возлагали надежды на **некие силы гиперреальности**, независимо от того, были они верующими или же атеистами.

Первая половина XX века – это время, когда мыслители типа Николая Рериха начали говорить о так называемом *энергетическом* мировоззрении. Рерих и его супруга Елена Ивановна занимались эзотерикой и общались с мистическими Учителями. Сочиняли стихи поэты-космисты (пример Александра Чижевского); космистам было тесно в рамках земного пространства. Даниил Андреев так же считал,

что пришло время выйти за пределы земного мира и начал осмысливать процесс выхода.

В подзаголовке трактата «Роза Мира», создаваемого в 1950-х годах (в середине прошлого века), уточнялся жанр: «Метафилософия истории». Андреев использовал в своем труде термин *метаистория* в двух значениях: во-первых, он имел в виду процессы, которые погружены в «потoki времени» и «виды пространства» инобытия /т.е. совершаются вне земли/, но связаны с земным историческим процессом. Второе значение термина *метаистория* в употреблении Андреева связано с признанием учения о процессах, протекающих исключительно в сфере инобытия – в отрыве от земного исторического процесса. Творец исходил из представления о многослойности Вселенной и предлагал формы воплощения этой многослойности.

Метаисторический метод познания, по Андрееву, складывается из трех последовательных стадий.

Первая стадия восприятия метода включает «мгновенный *внутренний акт*»; протекает он стихийно, «без участия воли субъекта» [2, с. 66]. На первых порах «внутренний акт» подготавливается длительное время *независимо* от индивидуального сознания личности / речь идет о личности с определенной стадией развития *глубинных органов*/. Содержание акта состоит в распознавании **метафизической природы больших исторических феноменов**. Форма протекания акта включает короткое время, когда человек ощущает, как будто, он находится в открытом пространстве «в разгар бури». Грандиозность происходящего вызывает у него как ужас, так и восхищение. Он чувствует себя охваченным необъяснимыми силами. Такое психологическое переживание обозначается Андреевым как **стадия метафизического озарения, когда сознанию открывается «космос метаистории»**[2, с. 61]. Повторяю: озарение возможно у избранных людей, отличавшихся достаточным развитием *глубинных духовных органов*.

Вторая стадия метаисторического познания связана с чередованием особых состояний; такие состояния могут проявляться у подготовленной личности почти ежедневно в течение целых недель и месяцев. Содержание процесса – **внутреннее созерцание**,

вглядывание в исторические образы. Возникающие в воображении образы описываются Андреевым как *синтетические*, и воспринимаются они опять-таки *глубинными* органами, *скрытыми* в составе нашего существа. Такие образы имеют внутренний смысл, простирающийся во внешней форме.

На второй стадии познания личность – уже не пассивный наблюдатель. Усилием личной воли она способна самостоятельно избрать объект созерцания/что именно она желает наблюдать/. **Синтетические образы,** как было отмечено, **отличаются многопланным смыслом,** а второй этап - метаисторическое *созерцание* вбирает в себя и предыдущий /пройденный / этап - *озарение*.

Третья стадия процесса познания состоит в том, что на этом этапе **предварительно подготовленный разум личности уже свободно подчиняется метаисторической логике.** Третья, высшая стадия процесса познания определяется как **метаисторическое осмысление.**

Итак, движение в глубину смыслов проходит через этапы: **озарение, созерцание и осмысление.** Притом сама личность волевым усилием использует скрытые силы своего организма для овладения особым типом познания.

В книге «Роза Мира» **звучит** исповедальный мотив, связанный с **личным опытом** приобщения самого писателя к метафилософскому познанию реальности. Подчеркивается, что все написанное в «Розе Мира» лично пережито автором.

Первый сдвиг в сознании Андреева случился в то время, когда ему исполнилось 14 лет. Это произошло в августе 1921 года. Август 1921 года – роковой месяц и год в жизни России. Тогда умерли Александр Блок и Николай Гумилев. С Александром Блоком Андреев чувствовал мистическую связь, а стихи погибшего Гумилева он обожал. В августе 1921 года - в сумеречную пору - юный москвич стоял около храма Христа Спасителя и слушал звон колокола, призывавшего к вечерней службе. Вдруг в какой-то момент ему открылся ослепляющий, непостижимый мир: он *увидел* прошлое России и ее небесный двойник.

Второй **трансфизический прорыв сознания** случился у Даниила весной 1928 года, когда он очутился в церкви Покров-в-Левшине. Во время пасхальной обедни читалась первая глава «Евангелия от Иоанна». Мы помним, как звучит начало главы: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Текст произносился на различных языках, включительно на древних. Эту раннюю обедню в праздник Пасхи /после Воскресения Христова/ Андреев оценивал как «вершину мирового богослужения» [2, с. 63]. Повторившееся **озарение** было связано с **переживанием Всемирной истории как единого мистического потока**. Находясь в состоянии религиозной одержимости, Андреев почувствовал Землю как великий храм, и в земном храме совершалось «богослужение просветленного человечества».

Третье событие произошло в 1932 году, февральской ночью, во время болезни. При высокой температуре, в полусне, Андреев получил «инфрафизический прорыв психики» [2, с. 64] и увидел визуальный образ демона великодержавной государственности. Демон походил на морское чудовище огромных размеров.

Год спустя, в ноябре 1933 года, в маленькой церквушке во Власьевском переулке, он попал на *акафист* (что означает общее хвалебное песнопение) - песнопение Преподобному Серафиму Саровскому. Андреев опустился на колени и почувствовал, что перед ним «распахнулась какая-то тайная дверь души и слезы ни с чем не сравнимого блаженного восторга хлынули неудержимо» [2, с.64]. В наплыве религиозного экстаза писатель пережил «подъем в небесную Россию». Продолжительное время он получал от Серафима Саровского мощное излияние духовного тепла и света. Икона с ликом святого оберегала его жизнь в годы Отечественной войны, а после кончины писателя икона хранилась у его жены Аллы Андреевой.

В критический период войны в составе 196-ой стрелковой дивизии Даниил Андреев вступил в осажденный Ленинград. Был поздний январский вечер 1943 года. После двухдневного перехода по льду Ладожского озера у него произошел очередной прорыв сознания, во время которого он наблюдал метаисторическое «противостояние непримиримых начал, ... зиявшая за одним из них

демоническая сущность внушала трепет ужаса» [2, с. 64]. Он почувствовал приближение врага, но ощутил и блистание, исходящее от приближавшегося Яросвета, великого духа-народоводителя России. Андреев воспринял в бликах света вокруг Яросвета предуведомление о победе России в переживаемой войне. Мистическое предвещение Яросвета описано в поэме Андреева «Ленинградский апокалипсис»: «И дал на миг защитник-гений / Прозреть другие берега» [1, с.172].

В ноябре 1949 года, когда уже совершилась победа России в затяжной войне, страну продолжали мучить новые беды, связанные со сталинизмом. Андреев находился в это время во Владимирской тюрьме. Ночью в камере он *трансфизическим* способом получил сообщение о том, что приближается победа сил Добра /приближалось время смерти Сталина и угасание его режима/.

В течение 1950-го – 1953-го годов Андреев все более втягивался в общение с Провиденциальными (светоносными) силами. Многократно в часы, отведенные для сна, он переживал выход своего *эфирного* тела из *физической* оболочки (явление, описанное во многих эзотерических текстах). Уснувший переживал странствия «по иным слоям планетарного космоса» [2, с.65]. В форме откровений, **исходящих как будто из глубин его собственной души**, протекали беседы Даниила Андреева с гениальными умами, населяющими «Синклит России»(он упоминал о своих контактах с писателями-вестниками Лермонтовым, Достоевским, Блоком). В его организме тем временем наполнялось метафизическим смыслом **пространство между глубинной памятью и сознанием.**

Он считал, что не достиг подлинного *духовидения*, т.е. полного раскрытия духовных органов чувств и освобождения *глубинной* памяти от запоров. Но все же осознание начатого движения по намеченному пути было важно для Андреева. Мыслитель-духовидец мечтал о том, чтобы была прочитана его книга «Роза Мира», содержащая весть о грядущем утверждении на Земле всехристианской Церкви, связанной со всеми мировыми религиями светлой направленности. Андреев говорил о Розе Мира, как о перевернутом цветке: она корнями уходит в небо, а ее лепестки

касаются земли (она, эта **интеррелигия**, объединяет всех живущих на земле).

Даниил Андреев – при всей сложности своего мировосприятия – был понятным для обыкновенных людей человеком и создателем доступных образов, особенно в стихах.

Библиографический список

1. Андреев Д. Л. Русские боги. – М: Московские рабочий, 1993, - 463 с.
2. Андреев Д.Л. Роза Мира. – М.: Московские рабочий, 1995. – 608 с.
3. Волошин М. А Жизнь — бесконечное познание; Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В.П.Купченко. – М.: Педагогика-Пресс, 1995. — 576 с.
<http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/mv/?r=posv&id=0>

Шулежкова Светлана Георгиевна
Доктор филологии, профессор
Институт гуманитарного
образования Магнитогорского
государственного технического
университета им. Г.И. Носова
Россия, г. Магнитогорск
shulezkova@gmail.com

Shulezhkova Svetlana Grigorjevna
Professor, Dr.Sc.
Nosov Magnitogorsk State University
Russia, Magnitogorsk
shulezkova@gmail.com

С.Г. Шулежкова
ЧУДАКИ УКРАШАЮТ МИР
(К 150-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ М. ГОРЬКОГО)

Аннотация. М. Горький – противоречивая фигура русской культуры XX в. 150-летний юбилей выдающегося писателя и общественного деятеля, кумира граждан СССР стал поводом для оживления споров о степени таланта Буревестника революции, значимости его творчества. Автор статьи поставил перед собой цель – оценить вклад Горького в русскую культуру через литературный язык, ибо язык – объективный показатель воздействия художника слова на мысли и чувства тех, кому адресованы его произведения. Более 70 горьковских выражений, ставших крылатыми, могут послужить весомым контраргументом в диалоге с теми, кто считал славу Горького незаслуженной, а появление «бродяги-босняка», «вечного полуинтеллигента» в качестве соперника И.А. Бунина, Ф.М. Достоевского и даже Л.Н. Толстого на литературном Олимпе «недоразумением».

Ключевые слова: Максим Горький, наследие, противоречия, крылатые выражения, русская культура.

S. G. Shulezhkova
ODD PEOPLE MAKE THE WORLD BEAUTIFUL
(IN HONOR OF M. GORKY`S 150TH ANNIVERSARY)

Abstract: M. Gorky was a very controversial figure in the history of Russian culture of the 20th century. Gorky was a distinguished writer and public person. The Stormy Petrel of Revolution, he was very well-liked by mostly all the Soviet people. The 150th anniversary of the writer gave rise to many heated discussions about the power of his talent and his legacy`s importance. The author of the article sets a goal to estimate Gorky`s contribution to Russian culture, made through the literary language, because language is a good tool that helps an artist influence thoughts and feelings of readers. More than 70 set phrases, taken from Gorky`s works, can be valid arguments in discussion with people, who believe Gorky`s fame undeserved. The rivalry on the literary Olympus between him and I.A. Bunin, F.M. Dostoevsky and even L.N. Tolstoy can hardly ever been called a "mistake".

Key words: Maxim Gorky, literary estate, polemics, set phrases, Russian culture.

Юбилейный 2018-й год заставил литературоведов, лингвистов, политологов, а также историков России вернуться к анализу творческого наследия Максима Горького и с учётом ранее неизвестных данных объективно оценить его место в отечественной культуре. Прошла пора всеобщего бездумного отвержения не только социалистических идеалов, но и низвержения с пьедесталов кумиров прошлого. Тогда не только тщательно выискивались и тиражировались нелестные отзывы современников Горького о его творчестве, но и звучали новые обвинения по адресу пролетарского писателя «в пособничестве сталинскому режиму и даже идеологическом обосновании репрессий» [23].

Хулители Горького 1980–2000-х годов с удовольствием вспоминали ёрническую характеристику ранних произведений Горького, данную Д.С. Мережковским, который свысока смотрел на литератора из низов: «О Горьком, как о художнике, именно больше двух слов говорить не стоит. Правда о босяке, сказанная Горьким, заслуживает величайшего внимания, но поэзия, которой он, к сожалению, считает нужным украшать иногда эту правду, ничего не заслуживает, кроме снисходительного забвения. Все лирические излияния автора, описания природы, любовные сцены – в лучшем случае, посредственная, в худшем – совсем плохая литература <...> Вообще, босяк с поэзией напоминает Смердякова с гитарой, а русская критика – хозяйкину дочку Машеньку в светло-голубом платье с двухаршинным хвостом, которая слушает и восхищается: «Ужасно я всякий стих люблю, если складно»» [18]. Заметим, что сегодня трудно найти представителя российской интеллигенции, который бы не знал наизусть отрывков из ранних произведений Горького, в то время как стихи самого Мережковского вряд ли кто-нибудь вспомнит.

В Интернете курсируют нелицеприятные высказывания в адрес *Буревестника революции*, принадлежащие его современникам. Они извлекаются из мемуаров об А.П. Чехове, из дневников Л.Н. Толстого, из очерков И.А. Бунина, из воспоминаний разных людей, встречавшихся с Горьким (см. [24]). Самое абсурдное мнение о Горьком было высказано писателем И. Сургучёвым: «... путь Горького был страшен: как у Христа в пустыне, дьявол возвёл его на

высокую гору и показал ему все царства земные и сказал: – Поклонись, и я всё дам тебе. И Горький поклонился. И ему, среднему, в общем, писателю, был дан успех, которого не знали при жизни ни Пушкин, ни Лев Толстой, ни Достоевский. У него было всё: и слава, и деньги, и женская лукавая любовь. И всё это было <...> только наваждение. И этим путём наваждения он твёрдой поступью шёл к чаше с цикутой, которую приготовил ему опытный аптекарь Ягода» [27].

Как пишет современная исследовательница творчества М. Горького Л. Спиридонова, «Горький, как никто другой, постоянно оказывался на переднем крае острой идеологической борьбы и, по собственным словам, любил вмешиваться «в число драки». Неудивительно, что ему частенько доставалось и справа, и слева. Достаётся и сегодня. Пытаясь развенчать писателя, вспоминают, что Д. Мережковский, З. Гиппиус и Д. Философов, в начале XX в. писавшие о «конце Горького», видели в нём «грядущего Хама», В. Ходасевич – поджигателя, вносящего «в мир элементы бунта или озорства», а К. Чуковский – генерала Пфуля, одержимого фанатичной идеей коллективизма. Для И. Бунина и В. Набокова он был «вечный полуинтеллигент, начётчик», а Б. Зайцев уверял, что писатель превратился в «нэпмана, подозрительного антиквара, кутящего с чекистами», филантропа и кулака» [25]. Цитируемые вне контекстов, эти высказывания способствовали созданию негативного образа Горького, «выскочки из низов», «безграмотного писателя-босняка» с сомнительной репутацией.

Многим российским художникам слова начала XX в. громкая слава Горького, действительно, казалась незаслуженной: «Ни одному русскому писателю мировая слава не досталась так легко и быстро, как Горькому. Сам Толстой <...> добился всемирной известности лишь на седьмом десятке лет <...> Между тем Горький стал Мировой знаменитостью тридцати пяти лет от роду» [1]. Понятно, почему Толстой в своём дневнике 03.09.1903 г., выразив удивление по поводу того, что Горького читают не только в России, но и за рубежом, сделал такую запись: «Горький – это недоразумение».

Конечно, Алексей Максимович не мог не знать об оскорбительных высказываниях в свой адрес коллег по цеху – и тех,

кто пользовался его поддержкой и гостеприимством, и тех, с кем он многие годы дружил. Но всё же ответных выпадов Горький себе не позволял. Он даже сам в статье о Чехове передаёт содержание (для него мало приятное!) разговора Толстого с Антоном Павловичем: «... Вчера он [Толстой. – С.Ш.] говорил мне: «Не могу отнестись к Горькому искренно, сам не знаю почему, а не могу <...> Горький – злой человек. Он похож на семинариста, которого насильно постригли в монахи и этим обозлили его на всё. У него душа соглядая, он пришёл откуда-то в чужую ему, Ханаанскую землю, ко всему присматривается, всё замечает и обо всём доносит какому-то своему богу. А бог у него – урод, вроде лешего или водяного деревенских баб»» [11: 509-510]. И.А. Бунина, считавшего его мистификатором и графоманом, Горький, тем не менее, продолжал высоко ценить: «Если не считать отдельных упоминаний имени Бунина в связи с горьковской критикой «белоэмиграции» в целом, Горький публично не отвечал на грубые выступления Бунина, продолжая говорить о его мастерстве и восхищаясь им как живым классиком» [5].

150-летний юбилей, отмечаемый в России, стал кульминационным моментом в противоборстве двух тенденций – восторженно-позитивно, с одной стороны, и бескомпромиссно-негативно, с другой, оценивающих М. Горького как писателя и как явления русской культуры. Это вовсе не значит, что споры утихли, что победила какая-то одна точка зрения. Нет, конечно. Слишком масштабной, сложной и противоречивой была сама личность писателя. Изменилось соотношение качества аргументации представителей непримиримых лагерей. Ниспровергатели Горького в поисках доказательств его бесталанности и беспринципности обращаются к косвенным источникам (например, к язвительной оценке «Песни о Соколе» И.А. Бунина [10], к воспоминаниям политических противников Горького или его соперников по славе, к перечислению его знакомцев из НКВД, к репрессиям 1930-х годов). В этом отношении очень показательна работа историка Е. Антонюка, с характерным названием «Великий притворщик. Тайны Максима Горького», опубликованная 17 июня 2017 г. Автору очень хочется уверить читателя в своей объективности. Он цитирует не только

унижающие Горького источники, но и хвалебные. Однако эту информацию господин Антонюк сопровождает собственными заставками, которые должны убедить читателя в ничтожности «великого притворщика». Приведём несколько подобных пассажей: «Горький приезжает в СССР и окружённый всеобщим почётом, с удовольствием принимает правила новой игры. Теперь он был не бунтарём, а певцом системы <...> Из друга писателей он превратился в надсмотрщика над ними, возглавив Союз писателей <...> Новый Горький больше никому не помогал, палец о палец не ударив, чтобы поддержать гонимых писателей»; «Он и сам любил приврать и любил людей, которые могут это сделать. Врал он много...»; «Горький всегда был слезливым человеком и любил плакать на публике <...> Какой из Горьких был настоящим: плачущий, потому что ему «птичку жалко», как студенту из советской комедии, или тот, который совершенно равнодушно взирает на смерть собственного сына? Вероятно, ни тот и ни другой. В богемной среде всегда ценили взрывы эмоций напоказ. Вот и Горький лил слёзы по самому незначительному поводу» [2].

Сторонники же восстановления исторической справедливости уже несколько десятилетий ведут кропотливую работу по изучению наследия Горького. Усилиями отечественных учёных создан цикл лексикографических трудов, в которых отражается язык писателя: объяснительный стилистический «Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 вып. с приложением Словаря имён собственных» (Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974–1990); «Словарь драматургии М. Горького: «Сомов и другие», «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие»»: в 3-х вып. с приложением Словаря имён собственных» (Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1984 – 1994–); «Словарь повести М. Горького «Фома Гордеев». Вып. 1. Имена собственные / сост. О.Л. Рублёва» (Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990); «Частотный словарь автобиографической трилогии М. Горького (СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996); «Идеологический словарь романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011) и др. Значительный вклад в восстановление доброго имени М. Горького внесла исследовательница его творческой судьбы

Л.А. Спиридонова, автор книги «Настоящий Горький: мифы и реальность» [26]. Отмети многочисленные измышления, порочащие деятельность М. Горького в последние годы его жизни, несомненно, поможет 24-томное собрание писем писателя, выходящее в издательстве «Наука» (19-й том был опубликован в 2017 г.) и работа А. Сидорчика « «Если враг не сдаётся...» О чём на самом деле писал Максим Горький» [23].

Существует, однако, ещё одно неоспоримое свидетельство значимости феномена Горького для русской культуры, которое не учитывается теми, кто отказывал и отказывает сегодня пролетарскому писателю в подлинном таланте. Это горьковские крылатые выражения (КВ), Судя по данным этимологических словарей, в современном русском языке функционирует около 70 горьковских КВ.

Возникновение КВ, семантика которых всегда обогащена памятью о породивших их источниках, далеко не всегда вызвано необходимостью именованя новых явлений в жизни общества, как произошло это, например, с коннотативным именем собственным *Буревестник революции*¹ или с КВ *пролетарский гуманизм*, восходящим к названию статьи Горького 1934 г.

Рождение КВ нередко связано с деятельностью харизматического лидера, «обрастающей» в национальной культуре благодаря поклонникам и подражателям кумира своеобразными «метами». Проявляется это в манере поведения последователей, в стиле одежды, во взглядах на жизнь, на искусство, но прежде всего – в языке. Сила М. Горького состояла в том, что он, глубоко зная Россию, со всеми её бедами и достоинствами, и обладая удивительным даром образно и лаконично выражать мысли, созвучные чаяниям народных масс, был талантлив и как писатель. Вряд ли можно считать случайностью то, что Горький пять раз выдвигался на Нобелевскую премию, и даже его соперники по

¹ Буревестник - поэтический образ М. Горького в «Песне о Буревестнике» (1900). «Буревестник» стало в литературе символическим именем смелых глашатаев революционных «бурь», «пророков грядущих побед пролетариата». «Буревестником» русской революции прозван литературными критиками и сам Горький [20: 40-41]. См. также: [4: 64-65; 7: 45; 8: 58; 22: 74-75] и др.

литературе в конце концов вынуждены были признать силу воздействия его творений на читателей: «В произведениях Горького <...> есть то, что едва ли менее ценно, чем самое высокое искусство: жизнь, правдивейший подлинник жизни, кусок, вырванный из жизни с телом и кровью. И, как во всём очень живом, подлинном, тут есть своя нечаянная красота, безобразная, хаотическая, но могущественная, своя эстетика, жестокая, превратная, для поклонников чистого искусства неприемлемая, но для любителей жизни обаятельная» [18].

Максим Горький, с его мощным интеллектом, обаянием, поражающей работоспособностью, неизменной жаждой справедливости, выбился наверх не случайно. Именно в таких лидерах нуждалась Россия начала XX столетия, охваченная революционным брожением. Горькому поверили, он стал кумиром не только для пролетариев, но и для интеллигенции, чиновничества, культурной элиты российского общества, о чём свидетельствует его обширнейшая переписка. Пройдя через все перипетии бродяжничества, испытав тяжесть подневольного труда, он обращался к тем, кто был угнетён, делился с ними своими жизненными принципами, облакая их в безупречно оформленные афоризмы, внушая тем, кто голодал, терпел унижения, мысль о величии человека: *Человек – это звучит гордо*²; *Хозяин тот, кто трудится*³; *Превосходная должность – быть на земле человеком*⁴; *Человек выше сытости*.

Афоризмы Горького воздают должное лучшим качествам человека труда и клеймят ненавистные автору пороки Ср., например,

² Человек – это звучит гордо. *Книжн. или публ. патет.* Афоризм из пьесы М. Горького «На дне». Употр., чтобы подчеркнуть общественную ценность каждого индивидуума, каждой человеческой личности. Так говорят и о человеческом достоинстве [8: 539]. См. также: [15: 376; 20: 313; 4: 724; 7: 143; 12: 503-504; 13: 117; 22: 775; 19: 309] и др.

³ Хозяин тот, кто трудится. Фраза, которая принадлежит рабочему Нилу, положительному персонажу пьесы М. Горького «Мещане» (1901). Как современная популярная цитата представлена в книге [13: 116].

⁴ Превосходная должность – быть на Земле человеком. *Высок., публ.* Слова М. Горького из рассказа «Рождение человека» (1912). О чувстве гордости за человека [8: 398]. См. также: [4: 515; 9, т. 2: 242].

*Безумство храбрых – вот мудрость жизни!*⁵, *Безумству храбрых поём мы песню*⁶, *Доброта – она превыше всех благ*, *Любовь – это желание жить*, *Хороший смех – это признак духовного здоровья и Самолюбие – худший вид зависимости*, *Подлецы – самые строгие судьбы*, *Личный эгоизм – это родной отец подлости*, *Без совести и при большом уме не проживёшь*.

В публицистическом арсенале современного русского языка сохранились горьковские КВ призывного характера. Они побуждают человека оторваться от обыденности, начать движение к высокой цели, работать, учиться и совершенствоваться; предостерегают от опасностей бездействия, равнодушия и боязни всего нового: *Вперёд и выше!*⁷; *В совершенствовании человека – смысл жизни!*; *Все люди делом живы*; *Любите книгу – источник знаний!*; *Учитесь у классиков!*; *Книги читай, однако помни – книга книгой, а своим умом двигай*; *Учитель, если он честен, всегда должен быть внимательным учеником*; *Талант – как породистый конь, необходимо научиться управлять им*; *Не будьте равнодушны, ибо равнодушие смертельно для человека*; *В карете прошлого далеко не уедешь*⁸.

⁵ Безумство храбрых – вот мудрость жизни! Строка из «Песни о Соколе» (1898) [13: 118].

⁶ Безумству храбрых поём мы песню. Первоисточник – стихотворение в прозе «Песня о Соколе» (1898) Максима Горького (псевдоним Алексея Максимовича Пешкова, 1868–1936): *Безумство храбрых – вот мудрость жизни! / Безумству храбрых поём мы славу*. Крылатое выражение образовалось путём соединения строки из этого произведения с его названием. *Иронически* о чём-либо отважном, решительном, но неразумном, сомнительном с точки зрения результата поступке [22: 50]. См. также: [4: 45; 7: 43; 8: 42; 9, т. 1: 94; 12: 26] и др.

⁷ Вперёд и выше! Вначале эта фраза была употреблена М. Горьким в письме, адресованном Л. Андрееву (16.08.1900), затем неоднократно повторена в поэме «Человек» (1904), вошла в название статьи о Павлике Морозове («Правда», 29.10.1933), но подлинную популярность она приобрела после того, как Горький включил её в свою речь на I Всесоюзном съезде писателей (01.09.1934). К.В. Душенко полагает, что возможный источник этого девиза – название и рефрен баллады Г. Лонгфелло "Excelsior" (1842) [13: 119].

⁸ В карете прошлого далеко не уедешь. Фраза из пьесы М. Горького «На дне» (1902), слова Сатина. Первоначально употр. в варианте «В карете прошлого *никуда* не уедешь». Означает: «Ориентация на ценности прошлого мешает прогрессу,

Часть КВ Горькогополнила фразеологическую систему русского литературного языка номинативными единицами. Некоторые из них служили образными наименованиями специфических социальных слоёв России прошлого века (*бывшие люди*⁹, *механические граждане*¹⁰), а потому ушли в пассивный запас. Другие КВ называли с издёвкой явления западной культуры (например, *музыка толстых*¹¹ в значении ‘джаз’, а также ‘западная танцевальная музыка типа фокстрота, чарльстона’), служили саркастическим названием культа денег (например, *жёлтый дьявол*¹²). По-разному сложились судьбы горьковских КВ, которые характеризовали самые неприглядные стороны жизни дооктябрьского времени, – *городок Окуров* и *свинцовые мерзости (русской / нашей жизни)*.оборот *городок Окуров* восходит к названию повести Горького (1909), «где изображается жизнь глухого уездного городка в дореволюционной России с её дикими нравами и мещанским бытом». Использовалось это КВ, когда речь шла «о небольшом городке, отличающемся мещанством, косностью, провинциализмом, варварством». В словарях оно приводится с пометой *Публ., неодобр. устар.* [9, т. 1: 273]. Что же касается КВ

движению к будущему’ [9, т. 1: 174]. См. также: [15: 71; 20: 48-49; 4: 75-76; 7: 50; 22: 88; 19: 127] и др.

⁹ Бывшие люди. Выражение обозначало до революции босяков. Благодаря рассказу М. Горького «Бывшие люди» (1897) оно стало крылатым. 1. Босяки, ломпен-пролетариат, обитатели ночлежек. После революции дворяне, капиталисты, богатые чиновники, лишённые своего привилегированного положения [8: 60]. См. также: [13: 114; 22: 77; 9, т. 1: 133] и др.

¹⁰ Механические граждане. Так М. Горький назвал людей, объединённых «скверной злостью против Советской власти» в статье «“Механическим гражданам” СССР. Ответ корреспондентам» // «Известия ЦИК СССР», 07.10.1928 [4: 391].

¹¹ Музыка толстых. (М. Горький. «О музыке толстых», статья о джазе // Правда, 18.04.1928) [13: 117]. См. также [28: 125] и др.

¹² Жёлтый Дьявол. В памфлете М. Горького «Город Жёлтого Дьявола» (1906) описан Нью-Йорк – город-чудовище, придавивший людей камнем и железом; люди здесь – слепые орудия Жёлтого Дьявола. «Ком Золота – сердце города. В его биении – вся жизнь, в росте его объёма – весь смысл её». Из этого памфлета и возникло выражение «Жёлтый Дьявол», употребляемое в значении: золото, порабащующее людей, власть капитала [4: 228-229]. См. также: [28: 80; 9, т. 1: 371] и др.

свинцовые мерзости (русской / нашей жизни), то оно продолжает употребляться в современных СМИ, когда речь идёт о фактах тяжёлой жизни простых людей России [9, т. 2: 324].

Любопытна судьба горьковских КВ *прост, как правда* и *Человек с большой буквы*. Оба они связаны с оценкой Горьким В.И. Ленина. Первое КВ восходит к очерку «В.И. Ленин» (1924), в котором автор пишет, что фразой «Прост, как правда» отозвался о вожде большевиков сормовский рабочий Дмитрий Павлов в 1918 г. [13: 116]. В современном русском языке данный оборот имеет 2 значения: он не только подчёркивает человечность Ленина, его близость к народу (Словари отмечают это значение как *устар.*) [9, т. 2: 263], но и как *ирон.* ‘о ком-либо, кто излишне прост – часто в ущерб себе и окружающим, а также об ответе, решении, которые действительно просты, очевидны, убедительны’ [22: 604]. Выражение *Человек с большой буквы* появилось в отзывах критиков о поэме Горького «Человек» (1904). Вообще, как справедливо говорит П. Басинский, Горький «любил Больших Русских Людей» [6]. Познакомившись с Лениным, он убедился, что это на самом деле *Человек с большой буквы*, и на встрече с московскими рабкорами (14.06.1928) именно так охарактеризовал основателя социалистического государства [13: 116]. Несмотря на все идеологические шатания, коснувшиеся и фонда русских крылатых единиц, КВ *прост, как правда* и *Человек с большой буквы* не только сохранились в русском языке, но проникли в другие языки мира (см., например, [28: 168, 212; 16: 19, 57; 3: 242-243; 17: 159-160; 29: 627-628; 30: 591]).

Объём статьи не позволил нам коснуться других КВ Горького, без которых трудно представить себе русский литературный язык. Выражая крайнее сомнение в достоверности сообщаемого, мы нередко задаёмся горьковским вопросом *Да был ли мальчик-то?* (см. [4: 178 и др.]); разбираясь в причинах собственных неудач, мы можем прийти к выводу: *Не на той улице я живу* (см. [13: 115 и др.]); узнавая о героических поступках российских ребят, невольно убеждаемся: *В жизни всегда есть место подвигам* (см. [14: ч. 1: 85 и др.]); встретившись с неординарным человеком, вспоминаем: *Чудаки украшают мир* (см. [4: 705]) и т. д. Это означает, что Горький –

неотъемлемая часть нашей культуры. Его невозможно из русской культуры «вынуть». А споры вокруг него, думается, не стихают не всегда оттого, что ему не могут простить верности социалистическим идеалам. Он просто не вписывается ни в какие рамки. «Горький в культуре – «беззаконная комета». Его на самом деле не должно было быть», – говорит П. Басинский, и он абсолютно прав, когда утверждает: «Горький не «остывает» и если не востребован сейчас, то будет востребован завтра» [6].

Истинное место Максима Горького в русской культуре очень точно определил К. Паустовский: «Для меня в Горьком – вся Россия. Как я не могу представить себе Россию без Волги, так я не могу подумать, что в ней нет Горького. Он был полномочным представителем бесконечно талантливого русского народа» [21].

Библиографический список

1. Алданов А. Воспоминания о Максиме Горьком (К пятилетию со дня его смерти). – Режим доступа: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/aldanov-vospominaniya-o-gorkom.htm> (дата обращения: 04.07.2018)
2. Антонюк Е. Великий притворщик. Тайны Максима Горького. – Режим доступа: https://life.ru/t/история/1018023/vielikii_pritvorshchik_tainy_maksima_ghorkogho (дата обращения: 04.08.2018).
3. Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов. – М.: Русский язык; Leipzig: Verlag Enzyklopedie. – 286 с
4. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Худ. лит., 1966. – 824 с.
5. Басинский П. Горький, Бунин и Шалапин. – Режим доступа: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/biografiya/basinskij-gorkij/gorkij-bunin-i-shalyarin.htm> (дата обращения: 08.08.2018)
6. Басинский П., Данилкин Л. «Мать» и матрица. «Перезагрузка» Горького – вопрос поколений // Родина, 20 марта 2018.
7. Берков В.П. Русско-норвежский словарь крылатых слов. – М.: Русский язык, 1980. – 280 с.
8. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 ед. – М.: Русские словари : Астрель : АСТ, 2000. – 624 с.
9. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: Около 5000 единиц: в 2 т.

- Магнитогорск: Магнитогорский гос. ун-т; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. – Т. I. А–М. – 658 с.; Т. II. Н–Я. – 737 с.
10. Бунин И.А. Горький // Иллюстрированная Россия, июль 1936. – Режим доступа: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/pod-serpom-i-molotom/gorkiy.htm> (дата обращения: 06.08.2018).
 11. Горький М. А.П. Чехов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1960. – 493-511.
 12. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Современные крылатые слова и выражения. – М.: Рольф, 2000. – (Энциклопедии). – 544 с.
 13. Душенко К.В. Словарь современных цитат. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 736 с.
 14. Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – Крилаті слова (материалы для словаря): в 4 ч. – Київ: Видавничий дім «Комп'ютерпрес», 2001–2003.
 15. Займовский С.Г. Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 492 с.
 16. Коваль А.П. Крилате слово. – Київ: Радянська школа, 1983. – 222 с.
 17. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік: Ч. 2. З рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст / Аўт.-склад.: С.В. Венізіктаў, І.Л. Даніленка, С.Ф. Иванова і інш.; пад рэд. С.Ф. Ивановой. – Магілёў: МДУ імя Куляшова, 2006. – 208 с.
 18. Мережковский Д.С. // Чехов и Горький // Не мир, но меч, 1906. – Режим доступа: http://russianway.rhga.ru/upload/main/27_Mereshkovsky.pdf (дата обращения: 05.08.2018).
 19. Мокиенко В.М., Зыкова Е.И. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке: краткий словарь-справочник. – СПб.: Издат. центр СПбГУ «Академия», 2006. – 352 с.
 20. Овсянников В.З. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии. – М.: ОГИЗ «Молодая гвардия», 1933. – 338 с.
 21. Паустовский К.Г. Максим Горький // Золотая роза. – Режим доступа: <https://mybook.ru/author/konstantin-georgievich-raustovskij/zolotaya-roza/reader/> (дата обращения: 05.08.2018)
 22. Серов В.В. Крылатые слова: энциклопедия. – М.: Локид-Пресс, 2003. – 831 с.
 23. Сидорчик А. «Если враг не сдаётся...» О чём на самом деле писал Максим Горький // Аргументы и факты, 15.11.2015.
 24. Современники о Максиме Горьком // Журнал «Эксмо». – Режим доступа: <https://eksmo.ru/interview/sovremenniki-o-maksime-gorkom-ID5378857/> (дата обращения: 04.08.2018).

25. Спиридонова Л. Великий сын России // Правда, 02–05.03.2018.
26. Спиридонова Л.А. Настоящий Горький: мифы и реальность / Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2016. – 365 с.
27. Сургучёв И. «Горький и дьявол». А.И. Ремизову. Режим доступа: <http://3rm.info/publications/62525-i-surguchev-gorkiy-i-dyavol-a-m-remizovu.html> (дата обращения: 06.08.2018).
28. Уолш И., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. – М.: Русский язык, 1984. – 280 с.
29. Chlebda W., Mokijenko W.M., Szuleżkowa S.G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. – Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. – 706 с.
30. Geflügelte Worte. Zitate, Sentenzen und Begriffe in ihrem geschichtlichen Zusammenhang / K. Böttcher, K.H. Berger, K. Krolop, Ch. Zimmermann. – Leipzig: VEB Bibliographischen Institut, 1981. – 780 S.

Безруков Андрей Николаевич
кандидат филологических наук,
доцент
Башкирский государственный
университет, Бирский филиал
Россия, г. Бирск
e-mail: in_text@mail.ru

Bezrukov Andrey Nikolaevich
Ass. Professor, Ph.D.
Bashkir State University, Branch in
Birsk
Russia, Birsk
e-mail: in_text@mail.ru

А.Н. Безруков

ВЕРИФИКАЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ С.Я. НАДСОНА В ПОЭМЕ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА «МОСКВА – ПЕТУШКИ»

Аннотация: В статье анализируется поэзия С.Я. Надсона как один из важных источников становления писательской манеры Венедикта Ерофеева. Лирическое мироощущение Семена Надсона рассматривается как прародина поэмы «Москва – Петушки», в частности образа заглавной героини текста – возлюбленной Венички. Ключевым моментом работы становится верификация мысли о том, что жанровая природа «Москвы – Петушковых» может быть объяснена не только связностью текста с рядом поэзных форм (Гомер, Байрон, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Н.А. Некрасов), но и сингулярной зависимостью художественного мышления Венедикта Ерофеева от сферы эстетических манифестаций Семена Надсона. Исследование показывает, что анализ поэзии С.Я. Надсона важен и ценен для понимания смысла поэзной конструкции Вен. Ерофеева.

Ключевые слова: Семен Надсон, Венедикт Ерофеев, поэтика текста, мотив, художественный образ, рецептивная эстетика, диалог художественных сознаний

A.N. Bezrukov

VERIFICATION OF THE LYRICAL ATTITUDE OF S.Y. NADSON IN POEM BY VENEDIKT EROFEEV'S «MOSCOW – PETUSHKI»

Abstract: The article analyzes the poetry of S.Y. Nadson, as one of the important sources of the formation of the literary manners of Venedikt Erofeev. The lyrical attitude of Semyon Nadson is considered as a proto-poem «Moscow-Petushki», in particular the image of the title heroine of the text – the beloved broom. The key point of the work is the verification of the idea that the genre nature of «Moscow-Petushki» can be explained not only by the connection of the text with a number of poetic forms (Homer, Byron, Pushkin, M. Lermontov, N.V. Gogol, N.Ah. Nekrasov), but also the singular dependence of the artistic thinking of Venedikt Erofeev on the sphere of aesthetic manifestations of Semyon Nadson. The study shows that analysis of S. Nadson's poetry is important and valuable for understanding the meaning of the poem design of Ven. Erofeev.

Keywords: Semen Nadson, Venedikt Erofeev, poetics of the text, motif, artistic image, receptive aesthetics, dialogue of artistic consciousness

Лирика Семена Надсона была популярна в литературных кругах конца XIX века. Периодические издания активно публиковали тексты поэта, несколько полновесных самостоятельных изданий было выпущено перед октябрьскими событиями 1917 года. Следует отметить, что стихотворения С.Я. Надсона в большинстве своем сориентированы на всестороннюю реализацию темы предназначения *поэта и поэзии*. Во многих текстах отчетливо выражена идея *гражданского долга* поэта перед отечеством и своим народом; главная мысль почти всегда у Надсона сопряжена с *мотивами борьбы и протеста* трагического, почти мученического лирического героя против существующего положения, против довлеющего над человеком социально-несправедливого строя. Вероятно, из такого мироощущения и рождаются классические, порой романтические мотивы *одиночества, разочарования, отчаяния, безысходности, оторванности от действительного мира*. На наш взгляд, Семен Надсон несколько пережил или опередил свое время, он мог бы органично включиться в исторический процесс первого десятилетия XX века, периода поиска и достижения гуманистически правильной *версии/модели* сложения объективных реалий. Спектр эмоций, эмпирика ощущений, колебание эстетических интенций, мастерски зафиксированные Семеном Надсоном, в хронологически коротком творчестве мало изучены. На данный момент целостно охарактеризовать поэзию Надсона не получается, видимо, не хватает типологически точной установки, генеративной мысли, или же недостаточен фон научных голосов и точек зрения. Хотя его лирика явление *знаковое*, прогрессивное, диалогически точное, она завершает период третьей трети XIX века весьма символично. Следовательно, обратиться к наследию поэта целесообразно, тем более, что актуализация поэзии С.Я. Надсона в данной работе будет претворена через сингулярную зависимость от нее Венедикта Ерофеева, чье творчество вбирает противоречия конца XX века.

Поэтический дискурс С.Я. Надсона, на наш взгляд, корректирует парадигму становления особой ерофеевской манеры письма, особого принятия для Вен. Ерофеева *меняющегося мира*, и

что, весьма примечательно, Венедикт Ерофеев зависим именно от эмоционально-трагического стиля Семена Надсона еще с раннего, ученического периода своего творчества. Далее же претворение обозначенного творческого диалога будет явственно осуществлено в небезызвестной *поэме* Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» (1969) как на уровне *формы/жанра*, так и *образной системы* и разрешения эмоционально-художественной *коллизии*. Принципы структурной [1] семантики, художественной когнитивности, деконструктивизма являются методологической базой работы, это, на наш взгляд, наиболее действенный подход при расшифровке текстовых моделей постмодернизма. Указанные приемы, а также методы рецептивной эстетики, герменевтики [5, 7] могут перспективно дополнить и конкретизировать диалогический [2] характер литературы конца XX века с каноническими *предтекстами* века XIX.

Небезосновательно то, что и Семен Надсон, и Венедикт Ерофеев внимательны к своему *читателю*, своему современнику, вообще человеку как абсолютной ценности. Неслучайны строки Надсона:

*«Была пора, – мы в жизнь вступали
Могучей, твердою стопой:
Сомненья злые не смущали
Тогда наш разум молодой.
Мы детски веровали в счастье,
В науку, в правду и людей,
И смело всякое ненастье
Встречали грудью мы своей.
Мечты нас гордо призывали
Жить для других, другим служить,
И все мы горячо желали
Небесполезно жизнь прожить»* [4, с. 12].

Вторит этой же идее-мысли Венедикт Ерофеев: *«Я не знаю вас, люди, я вас плохо знаю, я редко на вас обращал внимание, но мне есть дело до вас: меня занимает, в чем теперь ваша душа, чтобы знать наверняка, вновь ли возгорается звезда Вифлеема или вновь начинает меркнуть...»* [3, с. 159]. Следовательно, между писателем и реципиентом создается доверительный диалог, который важен

обеим сторонам. Вполне уместно предположить, что особое отношение с действительным, реальным миром, особый строй поэтики текста, некая музыкальность слога С.Я. Надсона, помимо природного дарования Вен. Ерофеева, кристаллизовали сакральность смысловой и звуковой нагрузки слова в контексте целого. Венедикт Ерофеев не может без того, что в литературе называется *традиция*, то, что связывает одну мысль с другой, то, что обеспечивает логичность художественной оценки бытия. Он внимателен к любой языковой фразе, словесной купюре, вербальной конструкции, для него совмещение формы (языковой блок) и смыслового пространства (генеративный уровень) есть самоцель творчества, он несколько иначе, чем другие писатели второй половины XX века понимает суть *письма*. Примерно схожий принцип выдерживал и Семен Надсон в свое время, он также выбивался из контекста, нетипично говорил и думал. Таким образом, рассмотрение данных авторов в русле указанных позиций актуально, достаточно ново, диалогично, тем более что совмещение мировоззренческих барьеров Семена Надсона и Венедикта Ерофеева точно еще не было представлено в массе критической литературы.

Изучение творческого наследия Венедикта Ерофеева процесс очень интересный, ступенчатый и *ризомный*. В первую очередь, это касается того, что ерофеевские тексты в большинстве своем окончательно, финально незавершенны; они как бы остаются в формате еще *созидаемых*, рецептивно декодируемых потенциально новыми читателями. Из наследия Вен. Ерофеева полностью доходит до читателя лишь «Благая весть», поэма «Москва – Петушки», «Моя маленькая лениниана», и трагедия «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» и то в конструкте незавершенного триптиха. Все остальное имперфективные тексты, неоконченные произведения, черновики, замыслы, заметки. В контексте научных статей традиционно обращается внимание на прецедентность ерофеевских конструктов; отчасти это объясняется постмодернистской поэтикой, принципом *цитатности* всего, что окружает человека. Веяние тенденций второй половины XX века тяготило к этому, но и конец XIX столетия был подвластен примерно такой же установке. Открытость форм созидали Н.С. Лесков, В.Г. Короленко, В.М.

Гаршин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов. А.М. Горький, И.А. Бунин, А.И. Куприн. Происходило это сознательно, или же бессознательно остается вопросом, но вероятнее всего, что писатели нуждались в острой полемике, в активной коммуникации с читателем, ибо творческий эксперимент всегда смежен с адекватностью диспозиций «*своего и чужого*».

Необходимо отметить, что диалогический характер литературы, межтекстовая коммуникация, оппозиция «текст – читатель», тезис «*мир как текст*» – все это утверждения литературной теории XX века, в которой доминантным является принцип дуалистический корректности и смысловой дисперсии. Поле игры, в которое попадает читатель, открыто в максимальную проекцию, как его *сознания*, так и проекцию историко-литературного процесса. Главным, обязательным условием этого пастиша смыслов является *герменевтическая компетентность*. Достижение итогового результата – поиска смысла как формы действия – в данном случае *полипозиционно*. Рецепция выходит за грани только текста; восприятие, следовательно, приобретает структуру комбинаторного кольца. Данный феномен можно определить как принцип игровой текстуализации чужих *дискурсов*. Верифицировать ситуацию конца XIX века, получается через наложение, смежность со значительно поздним этапом, со второй половиной века XX.

Литературные манифесты второй половины XX века имперсональны, интерсубъективны, это же относится и к поэме Вен. Ерофеева «Москва – Петушки», которая ризоморфна, она генерирует смысловое множество фактором наличия в тексте языкового плюрализма, языковой и сюжетной диффузии разных «*голосов*» и «*оттенков прошлого*». Произведения конца XX века сами по себе типологически разнородны (кино, театр, музыка, живопись, литературы), но генетически они приближается к желаемой или узнаваемой *цитате*, сознательному/неосознанному обращению к предтекстам. Ключом понимания коннотативной сути наиболее значимого произведения Венедикта Ерофеева – поэмы «Москва – Петушки», на наш взгляд, по мимо уже отмеченного в критике (ветхозаветный и новозаветные тексты, русская и зарубежная литературная классика, эксперименты XX века, модернизм и т.д.)

является поэтическое наследие Семена Надсона – трагического автора третьей трети XIX века. Творчество Семена Надсона как бы открывает завесу тайны и жанра, и образного ряда, и художественной коллизии поэмы «Москва – Петушки», сопоставительный фактор дает новый импульс и основание объективировать смысл/смыслы, сказанного Венедиктом Ерофеевым, утвердиться в мысли, что эстетический потенциал поэмы объемлен и генеративен.

Замечено, что литература XIX века проекционно влияет на творческие эксперименты века XX. Наиболее вариативен в этом смысле период *модернизма*, который во всем своем различии явился неким барьером преодоления канонов реалистического метода. Писатели начала XX века сознательно/бессознательно стремились, и сформировать новый оборот мысли, и выработать позицию оценки относительного уже традиционных форм, и сгенерировать смысловые обертоны нового времени. Эпоха модернизма, как следствие, стала знаковым явлением литературы всего XX века. Смена граней, стирание условных рамок более интенсивно наблюдается в период конца века – развития *постмодернизма*, сложного, многоуровневого культурного явления. Постмодернизм смог, по всей вероятности, трансформировать литературное наследие прошлого максимально объемного. Не только форма, как это было у модернистов, в частности футуристического течения, привлекает писателей постмодерна, им симпатичен главный базис – языковой, который, в силу своей диалогичности, расширяет смысловые векторы, пазлово складывает панорамный рисунок мысли. Этим сложен постмодернизм для толкования. Хотя и литературный фон конца XIX века позволял примерно тоже зафиксировать, в частности поэзия Надсона показательна при таком раскладе.

Творчество Надсона соотносится с концом XIX века, периодом, таящим в себе противоречия времени, истории; периодом надрыва эпохи, состоянием «*безвременья*». Судьба поэта быстротечна, трагически оформлена и не вписывается в масштаб всего художественного потенциала. Стихи С.Я. Надсона вбирают закал лирики М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, сюжетно помогает развиваться, прочитанный в ранней юности Гофман,

Толстой, Жуковский, Тургенев, Гончаров, Загоскин; не покидает лирику Надсона песенно-музыкальный слог Пушкина, точно воссозданные образы Гоголя, народная мелодика Кольцова и Никитина. Как текстологически видно, образцы налички – звук, слово, образ – всецело корректируют поэтическое наследие Семена Надсона:

*«Заревом заката даль небес объята,
Речка голубая блещет, как в огне;
Нежными цветами убраны богато,
Тучки утопают в ясной вышине.
Кое-где, мерцая бледными лучами,
Звездочки-шалуньи в небесах горят.
Лес, облитый светом, не дрогнет ветвями,
И в вечерней неге мирно нивы спят»* [4, с. 5].

Идейно близкие Надсону – Лермонтов и Некрасов – с одной стороны векторно рисуют для поэта рубеж *романтической личности*, переживающей момент драматического страдания, с другой же – формируют вкрадчивый дух *гражданского патриотизма*, но в допустимых пределах:

*«Когда душа твоя истерзана страданьем
И грудь полна тоской, безумною тоской, –
Склонись тогда пред тем с горячим упованьем,
Кто – кротость и любовь, забвенье и покой»* [4, с. 30].

Некое гармоничное начало, отчасти рассудительное, присуще лирике Семена Надсона. В ней нет буквальных призывов, которыми проникнут некрасовский текст, нет и сверх романтической идеи, понятной введением мотива творческого одиночества. Надсон как бы рисует идиллическую картину объяснений печальных, и порой ненужных шагов страшной истории конца XIX века. Поколение конца 1870 – 1880-х годов, как уже традиционно оценено, не столько бездейственно и безыдейно, сколько наоборот, идейно – но не до конца, действенно – но не в том варианте пути:

*«Порваны прежние струны на лире моей,
Смокли любви и надежд вдохновенные звуки.
Новая песня звучит и рыдает на ней,
Песня осмеянных слёз и подавленной муки»* [4, с. 31].

Сутью поэзии Надсона становится преодоление социальных противоречий, стагнация и закрепление того, что самоценно для человека новой формации. Манера оценки реалий и стиль мышления Вен. Ерофеева создавались также в условиях новой истории, *нового принципа бытия*, это и является показателем сближения на первый взгляд разнородных художников слова.

Познакомиться Венедикту Ерофееву с наследием Семена Надсона пришлось еще в детстве, томик дореволюционного издания стал для будущего писателя поистине путеводной нитью, открытием бездн эстетического и высокохудожественного. Вен. Ерофеев полемизирует далее с образами *нео-романтика*, если мы вправе так называть Надсона. В «Москве – Петушках» конечно же, нарушаются все мыслимые законы традиционного реализма, тем более сентиментализма и романтизма, но автор поэмого текста вправе создать эффект возможного присутствия романтического/нео-романтического в своем, новом конгломерате идей и установок.

Веничка как один из первых героев постмодернизма, *нового мира, новой эстетической парадигмы* концентрирует наследие литературного, да и культурно-исторического прошлого. Для Венедикта Ерофеева мозаика цитат, коллаж уже произнесенных фраз есть не столько принцип непохожести на других, сколько способ собственного *мышления*, он так думает, он так ориентирован на окружающий его мир, это его особое отношение с реальностью. Может быть, стороннее созерцания, может быть, дистанционное наблюдение за происходящим. Редуцированный смысловой диалог художественных сознаний в литературной практике встречается достаточно часто. Значительно реже наблюдается имманентное сближение двух и более творческих голосов. Момент наивысшего соприкосновения указанных точек зрения ведет не только к авторскому заимствованию фразы, реплики, условного слова или образа – это распространяется в целом на всю стилистику текста, его *идиостилевое единство*. Сверхфразовая сфера, создаваемая писателем, наполняется одномоментно и реакцией на уже созданный текст, и рецепцией, неким толкованием, уже осмысленных явлений, фактов, событий.

Вариации смысловых наложений в «Москве – Петушках» Вен. Ерофеева, несомненно, объемны. Структурно можно обозначить ряд таких пределов: *герой – время*, *Веничка – образный строй текста*, *герой – сюжетный ход*, *автор – читатель*, *текст поэмы – мировой контекст*. На наш взгляд, актуальным вопросом анализа все же остается проблема интертекстуальных смещений в «Москве – Петушках». В палимпсестно типичной манере наррации создаются небезызвестные читателю ерофеевские «Дневники писателя» (тетради и записные книжки), «Записки психопата», «Антология поэтов общежития Ремстройтреста», очерки «Василий Розанов глазами эксцентрика», «У моего окна», «Саша Черный и другие», пьесы «Диссиденты, или Фанни Каплан», «Дмитрий Шостакович». Большинство указанных текстов имеют очень четко выработанный план, композиционное членение, отчасти оговаривается и собственно сам замысел, но довести задуманное до логического финала у Венедикта Ерофеева не получается.

Поэзией Надсона Венедикт Ерофеев реинтерпретирует для себя форму, смысл, язык и ряд композиционных примет художественного текста. Для писателя-постмодерниста герой-маргинал и есть магистральный персонаж. Веничка поэмы близок автору, для Надсона вся поэзия автобиографична и субстантивна по определению. Надо отметить, что творчество Надсона и проза Вен. Ерофеева сближаются культурно-исторически, может быть, даже духовно. Не только Надсон, но и Ерофеев всю жизнь раскрывал суть изъязвленной личности, личности мучающейся от социального дискомфорта. Личная правда, естество героя, истина в абсолюте, прямота суждений и самородничество, некое философичное юродство – основные приметы героя поэмы «Москва – Петушки». Онтологически герой Ерофеева близок лирическому герою Надсона с его экзальтацией и самоуничижением:

*«Я б умереть хотел на крыльях упоенья,
В ленивом полусне, навеянном мечтой,
Без мук раскаянья, без пытки размышленья,
Без малодушных слез прощания с землей»* [4, с. 40].

Поэма Вен. Ерофеева по своей природе и приемам организации выбивается из литературы русского постмодернизма первой волны

[6]. Несомненно, на текст влияет период создания – *конец 1960-х годов*, время условных перемен, период рождения нового общественного сознания, точка сбива времени на иной исторически-важный виток. Господствовавшие жанры этого периода – *эпический вариант* – уже не могут столь актуально отвечать *эпохе*, новая *драма* лишь формирует почву для реализации смелых писательских замыслов, *лирика* развивается по своим поэтическим законам – координируя и автора, и читателя на уровень самоидентификации. Венедикт Ерофеев программно определяет жанр своего текста как *поэму*, именно лиро-эпическая форма позволяет автору не только глубинно продемонстрировать историческую коллизию, сложившуюся к этому периоду, но и имманентно актуализировать текстовый, творческий диалог писателя с культурным и художественным наследием, литературной классикой. Вторя отчасти Гомеру, Байрону, Пушкину, Некрасову Венедикт Ерофеев создает свой текст, текст для иного читателя, в большей степени для *сотворца*, фигуры сопричастной автору. Следовательно, форма – лирическое повествование – навеяны Ерофееву поэзией Семена Надсона, его установкой к созданию балладно-поэзного. Лирический герой Надсона и его героиня пребывают в полутонах мифического, сказочного, необычного, того, что далее будет искать Венедикт Ерофеев:

*«Кто ты, шалунья, – я не знаю,
Но милым песням на реке
Я часто издали внимаю
В моем убогом челноке.
Они звенят, звенят и льются
То с детской верой, то с тоской,
И звонким эхом раздаются
За неподвижною рекой»* [4, с. 23].

Таким образом, колебания внутреннего и внешнего, имманентного и трансцендентного в поэме «Москва – Петушки» будут неслучайны.

Главный герой ерофеевского текста – *Веничка* – зависим от обстоятельств его окружающих, зависим от сформировавшейся исторической ситуации: *«Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я*

слышу про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелью, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало – и ни разу не видел Кремля» [3, с. 23]. Автор настолько внимателен к своему герою, что психофизика преодоления уже ощущаемой катастрофы манифестируется Веничке декларативно гипнотически: «Ничего, ничего ... закройся от ветра и потихоньку иди. И дыши так редко, редко. Так дыши, чтобы ноги за коленки не задевали. И куда-нибудь да иди. Все равно куда. Если даже ты пойдешь налево – попадешь на Курский вокзал; если прямо – все равно на Курский вокзал. Поэтому иди направо, чтобы уже наверняка туда попасть. – О, тцета!» [3, с. 25]. При этом почти с начала текста читатель понимает, что именно возлюбленная героя, несознательно, конечно, но подвигает его на этот метафизический подвиг, он боготворит ее, созерцая мысленно, мысленно же и разговаривая с ней: «Я ведь просто еду в Петушки к любимой девушке (ха-ха! к «любимой девушке») – гостинцев купил...» [3, с. 30]. Герой счастлив от мысли, что его где-то ждут, где есть не только «любимая», но и «обожаемый малыш», который только начинает проговаривать букву «Ю». В этом весь пафос текста, в этом накал эмоционального.

Все путешествие Венчики и есть потенциальная программа сохранения жизни, потенциальный скачок на новый виток судьбы, который, к сожалению, так и не удалось преодолеть. Герой «Москвы – Петушков» не случайно произносит: «Петушки – это место, где не умолкают птицы ни днем ни ночью, где ни зимой, ни летом не цветет жасмин. Первородный грех – может, он и был – там никого не тяготит. Там даже у тех, кто не просыхает по неделям, взгляд бездонен и ясен» [3, с. 52]. Для героя самоцель – Петушки – в перерождении и преодолении греха, который практически не был совершен. Веничка берет на себя ответственность за все нехорошее, совершаемое в мире, он новый образ страждущего. Покорение, преодоление боли для героя «Москвы – Петушков» есть желание искупить грехи других. Таким образом, усложняет свой путь Веничка в отличие от лирического героя Семена Надсона, который тоже мечтал о высоте, а не драме жизни:

«Я б умереть хотел душистою весною,

*В запущенном саду, в благоуханный день,
Чтоб купы темных лип дремали надо мною
И колыхалася цветущая сирень» [4, с. 40].*

Диалогическую природу с наследием прошлого поддерживает именно главный герой «Москвы – Петушков» – Веничка. Он глубоко интеллигентен в мировосприятии и понимании процесса деформации мира, он максимально чувственен и активен: *«И я смотрю и вижу, и поэтому скорбен. И я не верю, чтобы кто-нибудь еще из вас таскал в себе это горчайшее месиво; из чего это месиво – сказать затруднительно, да вы все равно не поймете, но больше всего в нем «скорби» и «страха». Назовем хоть так. Вот: «скорби» и «страха» больше всего, и еще немоты. И каждый день с утра «мое прекрасное сердце» источает этот настой и купается в нем до вечера. У других, я знаю, у других это случается, если кто-нибудь вдруг умрет, если самое необходимое существо на свете вдруг умрет. Но у меня-то ведь это вечно! – хоть это-то поймите!» [3, с. 55].* Невозможность достичь долгожданных Петушков, обрести связь с любимой высказывается эмоционально точно, что манифестирует лирическую интонацию: *«Там каждую пятницу, ровно в одиннадцать, на вокзальном перроне меня встречает э т а д е в у ш к а с глазами белого цвета, белого, переходящего в белесый, — эта любимейшая из потаскух, эта белобрысая дьяволица...» [3, с. 52].* Образ любимой всегда у Вен. Ерофеева гармоничен с природной стихией, с ароматическим веянием жасмина и акации. Аллюзия на Семена Надсона в данном случае очевидна:

*«В тени задумчивого сада,
Где по обрыву, над рекой,
Ползет зеленая ограда
Кустов акации густой,
Где так жасмин благоухает,
Где ива плачет над водой, –
В прозрачных сумерках мелькает
Твой образ стройный и живой» [4, с. 23].*

Как видно, лирический герой Семена Надсона одинок, эмоционален, чувственен, эмпирически строг, он созерцатель, одновременно с этим и созидатель. Ему подвластно спроектировать

поведенческую модель, дифференцировать качества, манифестировать правду для потенциального слушателя. Взаимный контакт непредвзят, он лишь свидетельствует о назревающем срыве, ибо очевидно, что как такового счастья не получиться. И Надсон, и Ерофеев поэты трагического времени, поэты сумевшие запечатлеть гибель надежд. Как же органичны они в идее сохранности не столько мира, счастья, сколько в предвидении и предостережении не допустить вообще гибель жизни.

Поэзия Надсона становится конденсатором трагического конца XIX – начала XX веков; безусловно, он не одинок в открытии тайны изменений мирового порядка, но он один из наиболее ярких поэтов, который смог смело сказать об этом. Сентиментальность самого автора, Венедикта Ерофеева проекцией ложиться и на главного героя «Москвы – Петушков», показателем особой чувственности, вероятно, также близки писатели разных творческих направлений. Буквальная интериоризация советской эпохи не могла принести желаемого авторского результата, требовался новый оборот мысли, попытка иначе сформировать художественное пространство, воплотить сюжетный ход.

Венедикт Ерофеев, в силу своей природной даровитости, смог сложить новую модель поэтического мира, но мира зависимого от стандартов литературного качества XIX века. Попытки сопоставить «Москву – Петушки» с рядом предтекстов говорят о том, что поэма не так просто и формально построена, она достаточно сложна, художественно едина. Лиро-эпический видовой конструкт Вен. Ерофеева, отчасти заимствованный у С.Я. Надсона магистрально связан не столько с сюжетом, который укладывается в несколько фраз-цитат общего повествовательного толка, сколько с особым способом варьирования языковыми конструктами, практикой дискурсивной игры художественными сознаниями. Следует еще раз обозначить, что контрапунктом стилистических наслоений/диалогов Вен. Ерофеева с поэзией С.Я. Надсона становится ситуация кристаллизации нового времени. И герой, и героиня лирических текстов Надсона полны ощущением естества и гармонии:

*«Не долго он: пройдет мгновенье –
И вновь из зелени густой*

*Твое серебряное пенье
Летит и тонет за рекой.
Мелькнет кудрявая головка,
Блеснет лукавый, гордый взор –
И всё поет, поет плутовка,
И песням вторит синий бор» [4, с. 23-24].*

Онтологически толерантен и Веничка к своей участи, он как бы редуцирует мысль о том, что другого исхода просто не может быть, от этого и произносит: *«Покров! Город Петушинского района! Три остановки, а потом Петушки! Ты на верном пути, Венедикт Ерофеев». И вот моя тревога, которая до того со дна души все поднималась, разом опустилась на дно души и там затихла...» [3, с. 144].*

Таким образом, наследие С.Я. Надсона является одним из важных источников эмоциональной эмпирики поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки». Изучение диалога авторских сознаний, принципов объективации лирического мироощущения в ерофеевском тексте позволяет описать целый ряд смысловых, идейных и стилистических претворений писателя-постмодерниста. Следовательно, ряд поэтических манифестаций Надсона получают свое отражение, как на уровне формы (жанра), так и содержания (смысла). Нетипичная для конца XIX века, модернистская интенция Надсона созвучна эстетической парадигме оценки реалий Вен. Ерофеева. Трагический пафос сказанного, перспектива желаемой свободы, вековечность роли художника, особый эмоциональный тон пазлом вбирает в себя поэма «Москва – Петушки», происходит это, на наш взгляд, с несомненной подачи Семена Надсона. Вероятно, это еще раз подтверждает мысль, что пределы, рубежи конца XIX века и исторический сбив второй половины века XX изоморфны по определению, ибо художественная оценка происходящих событий солидаризируется в точке адекватного беспокойства эстетической мысли.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

2. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7-ми т. Т.2. – М.: Русские словари, 2000. – 800 с.
3. Ерофеев В.В. Собр. соч.: в 2-х т. Т.1. – М.: Вагриус, 2001. – 352 с.
4. Надсон С.Я. Ночные тени: [стихотворения]. – М.: НексМедиа; ИД «Комсомольская правда», 2012. – 238 с.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
6. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с.
7. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Пер. с нем. А.Л. Вольского. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Вострякова Наталья Анатольевна
кандидат филологических наук,
доцент
Волгоградский государственный
технический университет
Россия, г. Волгоград
e-mail: vostrjakova@yandex.ru

Vostriakova Natalya Anatolyevna
Ass. Professor, PhD
Volgograd State Technical University
Russia, Volgograd
e-mail: vostrjakova@yandex.ru

Н.А. Вострякова

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ ВОСПРИЯТИЮ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ЭЛЕМЕНТАРНОМ УРОВНЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

(на материале сказки Г.Б. Остера из сборника «Котёнок по имени Гав и другие истории»)

Аннотация. В статье предлагается многоаспектный комментарий к русскому аутентичному художественному тексту – сказке современного детского писателя Г.Б. Остера «Середина сосиски» из популярного сборника «Котёнок по имени Гав и другие истории». Комментарий включает в себя полный текст сказки, учебный текст о творчестве Г.Б. Остера, два аутентичных кинотекста (фрагмента) из прецедентного мультипликационного цикла «Котёнок по имени Гав» (на основе которого были написаны сказки) и задания ко всем этим видам текстов.

Комментарий адресован исконным и вторичным носителям английского языка, изучающим русский язык как иностранный на элементарном уровне обучения, и может быть предложен лицам разного возраста – дошкольникам, младшим школьникам и взрослым.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, иностранцы, носители английского языка, элементарный уровень обучения РКИ, восприятие текста, русский аутентичный художественный текст, сказка Г.Б. Остера, учебный текст, аутентичный кинотекст, многоаспектный комментарий

N.A. Vostriakova

TRAINING OF FOREIGNERS PERCEPTION OF RUSSIAN LITERARY TEXT AT ELEMENTARY LEVEL OF TRAINING RFL

(based on material of the tale G.B. Oster from the collection "Kitten named after Bow and other stories")

Abstract. The article offers a multi-aspect commentary on the Russian authentic literary text – a fairy tale by the modern children's writer G.B. Oster "The middle of a sausage» from the popular collection "Kitten named after Bow and other stories". The commentary includes the full text of the fairy tale, an educational text on the work of G.B. Oster, two authentic cinematic (fragment) from the precedent animated cycle "Kitten named after Bow" (based on which the fairy tales were written) and assignments to all these types of texts.

The comment is addressed to the native and secondary native speakers of the English language, learning Russian as a foreign language at the elementary level of education, and can be offered to people of different ages – preschoolers, junior schoolchildren and adults.

Keywords: Russian as a Foreign Language, foreigners, native speakers of English language, elementary level of learning RFL, perception of text, Russian authentic literary text, a fairytale of G.B. Oster, educational text, authentic cinematic, multi-aspect commentary

Русский аутентичный художественный текст на элементарном уровне обучения РКИ ввиду своей лингвистической сложности обычно не используется. Однако он вызывает интерес у иностранцев, позволяет знакомить их с полезной культурологической информацией, образцами естественной разговорной русской речи и эффективно развивать их речевые умения в чтении и говорении [2, с.6–8].

В настоящей статье мы предлагаем один из вариантов практического решения этой проблемы с опорой на такие формы представления информации, как *аутентичный кинотекст*, *учебный текст* и *многоаспектный комментарий*. В качестве предмета изучения на элементарном уровне обучения РКИ мы избрали литературную сказку *Г.Б. Остера «Середина сосиски»* (из сборника «Котёнок по имени Гав и другие истории») [6, с.161–163].

Выбор данной сказки обусловлен тремя причинами. Во-первых, с точки зрения своего идейного содержания она позитивна и понятна людям разного возраста: сказка учит добру, внимательности, чуткости по отношению к людям, взаимопомощи.

Сказка имеет небольшой объём (107 слов) и, хотя в ней встречается 18 не входящих в «Лексический минимум» элементарного уровня [5] единиц и 4 незнакомых для учащихся грамматических формы (краткая форма прилагательного, прилагательное и местоимения в косвенных падежах, родительный

падеж множественного числа существительного и местоимений), её лексико-грамматическое содержание в целом доступно иностранцам на начальном этапе обучения.

Во-вторых, автором данной сказки является современный детский писатель Г.Б. Остер, заслуженный деятель искусств РФ. Книги его в последние десятилетия издаются большими тиражами не только в России, но и в других странах мира, и с интересом читаются не только детьми, но и взрослыми.

В-третьих, выбранная сказка имеет одноимённую киноверсию – *кинотекст «Середина сосиски»* (сценаристом которого также выступил Г.Б. Остер) – и является частью *прецедентного мультипликационного цикла «Котёнок по имени Гав»* (его 1-го выпуска), известного большинству носителей русского языка [4]. Фразы из этого цикла часто цитируются в русском речевом общении, используются в языковой игре [примеры см. 3], а его главные персонажи узнаются русскими людьми и часто изображаются ими на разных вещах (например, при изготовлении детских книжек-раскрасок, обоев, заготовок для вышивки тканей).

В 2013 г. в Новокузнецке рядом с мясным магазином появилась даже бронзовая скульптура «Сосиска дружбы» (автор её – К. Зинич), которая изображает главных героев мультфильма, едящих связку сосисок. Скульптура полюбилась горожанам и в 2016 г. на сайте [AdMe](#) заняла 9-е место в списке самых добрых памятников мира [7]. Всё это свидетельствует о популярности мультипликационного цикла «Котёнок по имени Гав» и востребованности его в современном русском обществе.

Благодаря своей диалогической организации и жанровой специфике киноискусства кинотекст «Середина сосиски» воспринимается иностранцами легче, чем сказка. Он включает в себя 112 слов (из них 12 единиц не входят в «Лексический минимум» элементарного уровня [5]), 12 диалогических реплик, длится около трёх минут и с точки зрения своего смыслового содержания идентичен сказке Г.Б. Остера. Это даёт возможность использовать его в качестве вспомогательного текста перед знакомством со сказкой и, опираясь на наглядно-зрительные и слуховые образы кинотекста, презентовать незнакомые единицы сказки без перевода, в

живом речевом процессе, а также развивать на материале кинотекста аудитивные навыки учащихся.

Фото 1. Скульптура «Сосиска дружбы» в Новокузнецке

В то же время нужно учитывать, что кинотекст «Середина сосиски» и текст сказки вербально совпадают не полностью. Текст сказки сложнее. Он включает не встречающиеся в кинотексте слова, авторские пояснения, перефразированный кинодиалог героев и специфическую для него глагольную лексику (*спросить, ответить, предложить* и др.), а также демонстрирует нормы русского коммуникативного поведения в употреблении устойчивого словосочетания *Приятного аппетита!*, углубляя и несколько расширяя содержание кинотекста.

Кроме того, кинотекст «Середина сосиски», как и сказка, является аутентичным, рассчитан на исконных носителей русского языка и рецепцию в быстром темпе. Он не открывает 1-й выпуск мультипликационного цикла «Котёнок по имени Гав», а является в нём третьей «историей» по счёту, и все эти обстоятельства затрудняют его изолированное восприятие.

Следовательно, чтобы обеспечить доступность кинотекста «Середина сосиски» для иностранцев, его необходимо дополнить ещё одним кинотекстом – *начальным фрагментом из 1-го выпуска*

мультипликационного цикла «Котёнок по имени Гав», который предваряет историю «Одни неприятности», знакомит зрителей с главными героями мультфильма (котёнком и щенком) и поясняет специфику имени главного персонажа – котёнка. Длится этот фрагмент одну минуту. В нём 34 слова, 8 реплик и только 2 незнакомых слова (*лять, гав*), которые также используются в кинотексте «Середина сосиски». Поэтому данный кинотекст может органично дополнить историю о сосиске и не вызовет новых трудностей у учащихся.

Таким образом, для того чтобы облегчить понимание иностранцами аутентичной сказки Г.Б. Остера «Середина сосиски», необходимо использовать *два аутентичных кинотекста* (фрагмента) из 1-го выпуска мультипликационного цикла «Котёнок по имени Гав». Кроме того, инофоны должны иметь представление о месте сказки в современной русской литературе и подготовиться к первичному кинознакомству с её героями (просмотру начального фрагмента из мультипликационного цикла «Котёнок по имени Гав»), поэтому их желательно также познакомить и с четвёртым, *учебным текстом* о творчестве Г.Б. Остера.

Все эти четыре текста разной жанровой природы мы расположили в необходимой логической последовательности с целью максимально эффективного раскрытия смысла сказки «Середина сосиски» и разработали к ним *многоаспектный комментарий*, включающий в себя систему аудиторных и внеаудиторных заданий, которые расширяют словарный запас учащихся и развивают их речевые умения во всех видах речевой деятельности.

Комментарий адресован *исконным и вторичным носителям английского языка*, изучающим русский язык как иностранный. Для облегчения рецепции в нём используется перевод незнакомых единиц на английский язык. (Консультантом по переводу в данной статье выступил гражданин Ганы, студент Волгоградского государственного технического университета *Ламптей Путер*.)

Поскольку Г.Б. Остер является детским писателем, наш комментарий ориентирован на *детей дошкольного и младшего школьного возраста*. Задания в нём сгруппированы в два занятия, рассчитанные на 40–45 минут, и включают в себя много

иллюстраций. Однако эти же занятия могут быть проведены и *во взрослой аудитории* (например, с будущими преподавателями русского языка), которая осмыслит их глубже детской и сможет оценить тонкий юмор Г.Б. Остера и ненавязчивый социально-философский подтекст его сказки. В этом случае предлагаемые занятия могут быть проведены последовательно, в разные дни (например, в рамках курсов русского языка) или же (в условиях вузовского обучения) объединены в один урок продолжительностью 80–90 минут. В последнем случае от выполнения домашнего задания после занятия 1 и задания 1 из занятия 2 можно отказаться.

Дальнейшее знакомство с творчеством Г.Б. Остера с параллельным использованием художественных текстов, кинотекстов и учебных текстов иностранцы могут продолжить на базовом уровне обучения – например, на материале мультипликационного цикла «38 попугаев» [1].

Занятие 1 ПИСАТЕЛЬ И ПОЭТ ГРИГОРИЙ ОСТЕР

Задание 1. Ответьте на вопросы.

1. Какие русские сказки, мультфильмы о животных вы читали или смотрели? Кто их автор?	сказка fairy tale
мультфильм
animated film
2. Вы любите животных? Каких животных вы знаете?	животное
(кто?, ср.р.)
animal

Задание 2. Посмотрите на фотографию и прочитайте предложения, данные ниже. Постарайтесь понять значение выделенных слов.

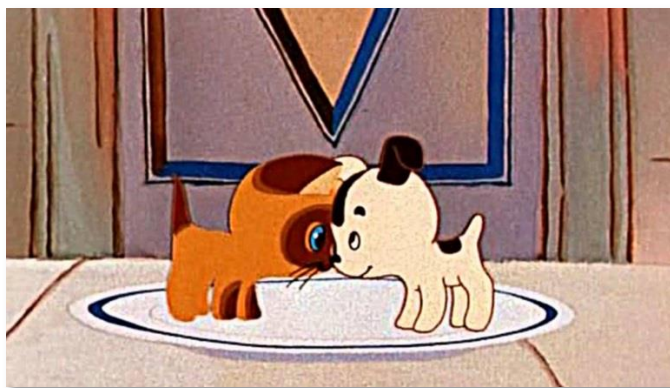

Фото 2. Кадр из мультфильма «Котёнок по имени Гав»

Кто это? Это **котёнок** – маленький кот.

Ср.: кот→**кот-ёнок**, человек→ребёнок.

Кто это? Это **щенок** – маленькая собака.

Ср.: собака→**щенок**.

Это **котёнок** и **щенок** – маленькие животные.

Кот и собака – это большие животные.

Как говорит собака? **Гав-гав!** Она **лает** (НСВ).

Как говорит кот? **Мяу-мяу!** Он **мяукает** (НСВ).

Человек говорит, кот **мяукает**, собака **лает**.

– **Рррр!** – собака **рычит** (НСВ).

Почему она **зарычала** (СВ)?

Ей что-то не нравится.

Собака не добрая, она злая.

● *Ответьте на вопросы:*

1. Как называют маленького кота?

2. Как называют родителей котёнка?

3. Как называют сына собаки?

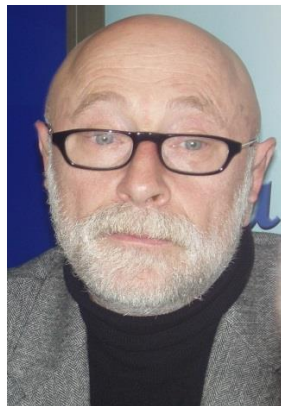
4. Щенок мяукает?

5. Как лает русский щенок? А английский? А на других языках как он лает?

6. Котёнок лает?
7. Как мяукает русский котёнок? А английский? А на других языках как он мяукает?
8. Как рычит собака? Почему она рычит?

• Если вы поняли не все слова, проверьте себя по ключу.

Задание 3. Посмотрите на фотографию и ответьте на вопросы.

1. Кто это?
2. Как вы думаете, он пишет весёлые или грустные книги?

Фото 3. Писатель и поэт Григорий Остер (родился в 1947 году)

Задание 4. Прочитайте текст.

Григорий Остер – известный русский писатель и поэт. Сейчас он живёт в Москве, но раньше он жил в Одессе и в Ялте.

Г. Остер пишет стихи, сказки, рассказы, пьесы для театра, тексты для мультфильмов. Он пишет для детей, но его книги и мультфильмы любят и взрослые.

«38 попугаев» и «Котёнок по имени Гав» – самые популярные многосерийные мультфильмы Г. Остера. По ним он потом написал книги-сказки.

Одесса	Odessa
Ялта	Yalta
пьеса	play
взрослый (человек)	adult; ср.: взрослый (кто?) ≠ ребёнок (кто?)
попугай (кто?, м. р.)	parrot
серия (фильма)	series (of film)
многосерийный (-ая, -ое, -ые, =много серий)	MULTIseries

<p><i>Котёнок по имени Гав</i> – это герой сказок</p> <p>Г. Остера. Он добрый, активный, но маленький, плохо знает жизнь и поэтому ему часто бывает нелегко.</p>	<p>герой (<i>кто?</i>, <i>м. р.</i>) hero; герой (<i>чего?</i>) сказок (<i>Р.п.</i>, <i>мн. ч.</i>) бывать (<i>НСВ</i>) happen, осиг; бывает (<i>кому?</i>) ему (<i>Д. п.</i>)</p>
--	--

Фото 4. Котёнок Гав

• *Ответьте на вопросы:*

1. Какой это писатель и поэт? Как его зовут?
2. Где он живёт сейчас? Где он жил раньше?
4. Что пишет Г. Остер?
5. Для кого он пишет?
5. Какие сказки Г. Остера самые известные?
6. Как зовут котёнка из сказки Г. Остера? Какой он герой?
7. Почему котёнку часто бывает нелегко?

Задание 5. *Посмотрите начало мультфильма «Котёнок по имени Гав» и ответьте на вопросы:*

1. О ком рассказывает мультфильм?
2. Почему котёнок и щенок не поняли друг друга?

• *Если вы не можете ответить на эти вопросы, посмотрите мультфильм ещё раз.*

3. Как обычно русские люди называют котов? А как в вашей стране их называют?

Мультфильм Г. Остера называется «Котёнок по имени Гав». Но **имя** есть только у человека, например: *Григорий, Валентина*.

У котёнка или другого животного (собаки, попугая) не может быть имени. У него есть **кличка**, а не имя. Правильно говорить так: «Котёнок *по кличке* Гав».

У страны, города, книги, фильма тоже нет имени, но есть **название**.

Эта страна называется Россией. Россия – это название страны.

Этот город называется Москвой. Москва – это название города.

«Котёнок по имени Гав» – это название мультфильма Г. Остера.

Задание 6. Смотрите на фотографию и пишите предложения по образцу.

Образец (model):

У страны (Р. п.) есть название (Им. п.) – Болгария (Им. п.).

Фото 5. Болгария

Домашнее задание

Задание 1. Напишите правильно следующие слова.

Писател..., ска...ка, мул...тфил...м, к...тёнок, щ...нок, г...рой, ж...вотное.

Задание 2. Расскажите текст о Г. Остере из задания 4.

Занятие 2

«СЕРЕДИНА СОСИСКИ»

(сказка из книги Г. Остера «Котёнок по имени Гав и другие истории»)

Задание 1. Ответьте на вопросы.

1. С каким писателем и поэтом вы познакомились на прошлом занятии?
2. Что вы о нём знаете? Какие книги он написал?

Задание 2. Слушайте, читайте, повторяйте следующие слова и словосочетания.

<p>кость (<i>ж. р.</i>) bone голодный (<i>-ая, -ое, -ые</i>) = тот, кто хочет есть hungry уверенный (<i>-ая, -ое, -ые</i>) sure, certain; <i>ср.:</i> уверен (<i>-а, -о, -ы</i>) – краткое прилагательное (short adjective) именно (= как раз, частица) exactly (<i>particle</i>); именно на этом месте (<i>Пр. п.</i>) = здесь и нигде больше грызть (<i>НСВ что (В. п.) to gnaw</i> делить (<i>НСВ что (В. п.) to divide</i></p>	<p>проглотить (=быстро съесть, <i>СВ что (В. п.) to swallow</i> не остаться (<i>СВ чего (Р. п.) to remain</i>; не осталось (<i>чего?</i>) никаких других мест (<i>Р. п., мн. ч.</i>) встречаться (<i>НСВ /встретиться (СВ где (Пр. п.) to meet</i> что-то (= не знаю, почему) something, it looks as if всё равно (= не важно, не имеет значения) it is all the same</p>
---	---

Задание 3. Напишите словосочетания по образцу.

Образец: грызть (что?) кость (В. п.), щенок (какой?) добрый.

встретиться		яблоко		уверенный		рыба
делить		котёнок		проглотить		место
голодный		улица		не осталось		кот

Задание 4. Посмотрите историю «Середина сосиски» из мультфильма «Котёнок по имени Гав».

● Ответьте на вопросы:

1. Сколько героев в этом фильме? Что они делали? Какое сейчас время дня?
2. Почему котёнок в начале мультфильма невесёлый?
3. Скажите, что вы видите на этих фотографиях. Чей это обед?

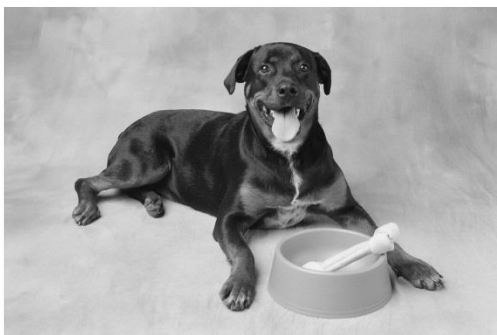

Фото 6.

Фото 7.

4. Что на обед у щенка? Нарисуйте.
5. Покажите начало, середину и конец сосиски.
6. С кем обедал котёнок?
7. Сколько у них было сосисок?
8. Как они ели сосиску?
9. Почему щенок сказал *м-да!*? Что он почувствовал?
10. Что почувствовал котёнок, когда они съели сосиску?

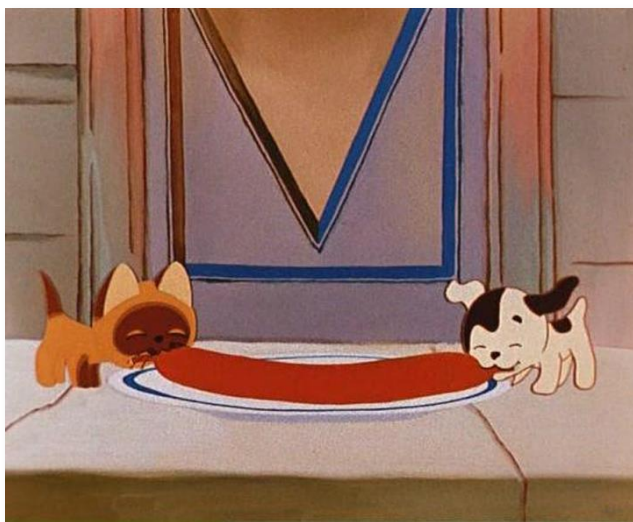

Фото 8. Кадр из мультфильма «Котёнок по имени Гав»

СЛОВА ДЛЯ СПРАВОК (words for reference): удовольствие, досада (vexation, annoyance), радость (joy), неловкость (awkwardness), грусть (sadness), интерес, смущение (confusion), сожаление (regret), счастье.

● Если вы ответили не на все вопросы, посмотрите мультфильм ещё раз.

Задание 5. Слушайте, читайте, пишите следующие слова.

<p>сосиска sausage начало beginning; ср. начинать (НСВ) / начать (СВ) середина middle конец end сторона side; ср.: начало (чего?) сосиски (Р. п.) = одна сторона, конец (чего?) сосиски (Р. п.) = другая сторона</p>	<p>вздыхать (НСВ) / вздохнуть (СВ) TO sigh аппетит appetite Приятного аппетита! Bon appetit! предлагать (НСВ) / предложить (СВ) что (В. п.) to offer</p>
---	--

Задание 6. Прочитайте текст.

Середина сосиски

(сказка)

<p>– Приятного аппетита! – сказал котёнок Гав собаке, которая грызла кость. – Рррр! – зарычала в ответ собака. – Приятного аппетита! – сказал котёнок чёрному коту.</p>	<p> </p> <p>сказал (<i>кто?</i>) котёнок (<i>Им. п.</i>) (<i>кому?</i>) чёрному коту (<i>Д. п.</i>)</p>
---	---

Кот проглотил рыбу и ответил:

– Спасибо.
 – Это у тебя что? – спросил котёнок щенка.
 – Сосиска! – ответил щенок. – А ты тоже идёшь обедать?
 – Нет, – вздохнул котёнок, – я не могу обедать, потому что я ещё не завтракал.

<p>– Давай съедим мою сосиску вместе! – предложил щенок. – Ты ешь с одной стороны, а я с другой. А там, где мы встретимся, будет середина.</p>	<p> </p> <p>Ты ешь с (<i>чего?</i>) одной стороны (<i>Р. п.</i>), а я с (<i>чего?</i>) другой (<i>Р. п.</i>).</p>
--	---

– Что-то мы очень быстро встретились, – сказал щенок котёнку. – Ты уверен, что середина сосиски в этом месте?
 – Теперь уже неважно! – сказал котёнок. – Всё равно у сосиски никаких других мест не осталось.

● *Ответьте на вопросы:*

1. Какой герой сказки вам понравился? Почему?
2. Что сказал котёнок Гав собаке? Когда люди говорят такие слова?
3. Что ответила котёнку собака? Почему она так ответила?
4. Что ответил котёнку чёрный кот? Это правильный ответ?
5. Почему русским людям в этой сказке нравится не кот, а щенок? Какой щенок? А какие кот и собака?

СЛОВА ДЛЯ СПРАВОК (words for reference): вежливый (polite), воспитанный (well-mannered), жадный (greedy), равнодушный (indifferent), внимательный (considerate, attentive), чуткий (sensitive), злой, добрый.

Задание 7. Прочитайте план сказки. Исправьте ошибки в нумерации его частей.

План.

1. Почему котёнок Гав не может обедать?
2. Как котёнок и щенок ели сосиску?
3. Почему не важно, где середина сосиски?
4. Что на обед у щенка?
5. Как встретился котёнок Гав со злой собакой?
6. Что предложил котёнку щенок?
7. Как встретился котёнок Гав с чёрным котом?

• *Если вы не можете выполнить это задание, прочитайте сказку ещё раз.*

Задание 8. Ответьте на вопросы.

1. Что важно и что неважно в этой сказке?
2. Почему сказка называется «Середина сосиски»? Чему она учит?
3. А как бы вы назвали эту сказку? Почему?

Домашнее задание

Пользуясь правильным планом сказки «Середина сосиски» из задания 10, расскажите её своему другу. Скажите ему, что вы думаете о её героях.

Ключи

Занятие 1

Задание 2.

1. Котёнок kitten. 2. Щенок puppy. 3. Гав-гав! Wow-bow! 4. Лаять bark.
5. Мяу-мяу! Meow-meow! 6. Мяукать mew. 7. Pppp! Rrrr! 8. Рычать /зарычать growl.

Задание 5.

Котёнок по имени Гав

(выпуск 1, фрагмент сценария)

Щенок Шарик бежит по улице и лает. Котёнок Гав дома, услышал его.

Шарик. Гав! Гав! Гав! Гав!

Гав. Ты чего?

Шарик. Гав!

Гав. Чего тебе нужно?

Шарик. Мне? Ничего!

Гав. А зачем же ты меня зовёшь?

Шарик. А я тебя не зову. Это я просто лаю. Гав!

Гав. А меня так зовут: котёнок Гав!

Появляется надпись на экране: «Котёнок по имени Гав»¹¹.

Занятие 2

Задание 4.

Середина сосиски

(сценарий)

¹ Сценарии в занятиях 1 и 2 зафиксированы автором статьи на основе мультипликационного цикла «Котёнок по имени Гав» [6] и адресованы преподавателям.

Шарик. Очень просто! Вот тут *(показывает)* – начало сосиски. Тут *(показывает)* – конец. А вот тут *(показывает)* – середина. Я начну есть сосиску с начала, а ты – с конца.

Гав. Нет, лучше я с начала, а ты – с конца.

Шарик. Встретимся на середине! Раз, два, три!

(Котёнок и щенок быстро съедают сосиску.)

Шарик. М-да! Что-то мы уж очень быстро встретились! А ты уверен, что середина сосиски была именно на этом месте?

Гав. Теперь уже неважно. Всё равно никаких других мест у сосиски не осталось.

Наступило утро. Котёнок Гав дома, умывается.

Собаки. Гав-гав!

Гав. Это не меня. Это они просто так, лают.

Котёнок Гав идёт по улице. Он невесёлый, потому что сегодня ничего не ел.

Котёнок встречает собаку. Собака грызёт кость, но котёнку кость не даёт. Потом котёнок встречает кота. Кот проглотил рыбу, но котёнку рыбы не дал.

Голодный котёнок идёт дальше и видит щенка.

Гав. Это у тебя... что?

Шарик. Со-сиска! А ты тоже идёшь обедать?

Гав. Нет, я ещё не могу обедать, потому что я ещё не завтракал.

Шарик. А хочешь, мы эту сосиску вместе съедим?

Гав. Хочу! Только как же мы её будем делить?

Подводя итоги, подчеркиваем, что аутентичный художественный текст необходимо вводить в учебный процесс на начальном уровне обучения. При этом проблема качественного отбора конкретных художественных текстов, изыскания эффективных способов их репрезентации для начального этапа обучения РКИ является особенно актуальной.

Библиографический список

1. Вострякова Н.А. Восприятие инокультурного художественного текста студентами подготовительного факультета (на материале произведений Григория Остера): учеб. пособие. – Волгоград: РПК «Политехник», 2007. – 156 с.
2. Вострякова Н.А. «Как поросёнок говорить научился». Разработка уроков РКИ по рассказу Л. Пантелеева //Русский язык за рубежом. – 2011. – №3. – С.6–24.
3. Котёнок по имени Гав – Викицитатник //https://ru.wikiquote.org/wiki/Котёнок_по_имени_Гав
4. Котёнок по имени Гав (выпуск 1) [Видеозапись] /реж. Л. Атаманов; роли озвуч.: Т. Решетникова, М. Виноградова, В. Ливанов, А. Баранов. – М.: Союзмультфильм, 1976 //https://wiki2.org/ru/Котёнок_по_имени_Гав_(выпуск_1)
5. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение /Н.П. Андрияшина, Т.В. Козлова. – М.–СПб.: ЦМО МГУ – «Златоуст», 2000. – 80 с.

6. Остер Г.Б. Котёнок по имени Гав и другие истории //Остер Г.Б. Собрание сочинений: в 3-х т. – Т.1: Сказочные истории. – М.: Астрель, АСТ, 2004. – С.151–188.
7. «Сосиска дружбы» из Новокузнецка вошла в топ самых добрых памятников мира //<http://bird.a42.ru/lenta/show/sosiska-druzhbyi-iz-novokuznetska-voshla-v-top-samyih-dobryih-pamyatnikov-mira.html>

ХРОНИКА

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Университет национального и
мирового хозяйства
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevska Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D.
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

XVI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СЛАВИСТОВ – КРУПНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Аннотация. В хронике рассматривается проведение XVI Международного конгресса славистов в Белграде, Сербия, 2018. Представлено участие болгарской делегации.

Ключевые слова: конгресс славистов, славистика, болгарская делегация

D.S. Lesnevska

XVI INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS – A MAJOR SCIENTIFIC FORUM

Abstract. The chronicle examines the XVI International congress of Slavists in Belgrade, Serbia, 2018. The participation of the Bulgarian delegation is presented.

Keywords: Congress of Slavists, Slavic Studies, International Committee of Slavists, Bulgarian delegation

С 20 по 27 августа 2018 г. на Филологическом факультете Белградского университета был проведен **XVI Международный конгресс славистов**.

Организаторами конгресса являлись Международный комитет славистов, Союз славистических обществ Сербии, Филологический факультет Белградского университета и Сербская академия наук и искусств (САНУ), при поддержке президента Сербии, МИД Сербии, Министерства просвещения и науки и Министерства культуры и информации Республики Сербии. Председателем Международного комитета славистов конгресса был профессор **Бошко Сувайджич**, секретарем конгресса был профессор **Петр Буняк**.

Торжественная церемония открытия состоялась в *Сала хероја*.

Пленарные заседания проводились в *Сала хероја* под председательством проф. **Бошко Сувайджича**, проф. **Лиляны Маркович** и акад. **Владимира Костич**. Пленарные доклады были посвящены известному Сербскому словарю 1818 г. выдающегося сербского филолога **Вука Стефановича Караджича (Милошевич Н., Сербия)**, истории сербской лингвистической славистики (**Пипер П., Сербия**), тезису Пражского лингвистического кружка о церковнославянском языке в рамках славистики (**Кайперт Г., Германия**), современным Кирилло-Мефодиевским исследованиям в Европе (**Николова С., Болгария**).

В течение шести дней проводились заседания по секциям и тематическим блокам, заседания комиссий, аккредитованных при МКС, круглые столы, презентации проектов и публикаций, были открыты выставки, в *Сала хероја* прошел торжественный концерт Хора славянской песни «**Лучинушка**», для участников конгресса были организованы экскурсии. Заседания по секциям и тематическим блокам проводились на Филологическом факультете Белградского университета, круглые столы проводились как на Филологическом факультете («Конец первой мировой войны и славянский мир», «Славянская фразеология в современном мире», «Интернет-стилистика: современные тенденции» и др.) так и в Сербской академии наук и искусств («Александр Белич в истории славистики» и др.), а также в Доме *Вукова задужбина* /Фонд **Вука Караджича** («200-летие Сербского словаря Вука»).

В день открытия конгресса в аule Филологического факультета была торжественно представлена выставка «Славистика в эмиграции: изучение и преподавание русского языка и литературы в странах русского послереволюционного рассеяния» (авторы: **Т.В. Марченко, С.В. Романова** – Дом русского зарубежья им. **А.Солженицына**). 20 августа в САНУ была открыта также выставка «Сербская лексикография от Вука до сегодняшнего дня» (авторы **Райна Драгичевич, Ненад Иванович**).

В Библиотеке города Белграда с 20 по 28-ого августа была открыта выставка славистических публикаций всех стран-участниц конгресса, были организованы презентации новых книг («Проф. др.

Слободан Ж. Маркович – человек институция» – **Бошко Сувайджич, Александр Ерков;** «Обзор славистических исследований **Боголюба Станковича – Ксения Кончаревич, Биляна Марич** и др.).

Болгарская делегация была представлена рядом болгаристов, русистов и славистов из университетов Софии, Пловдива, Велико-Тырново, Шумена, Бургаса, а также из институтов Болгарской академии наук (Рис. 1). Председателем болгарской делегации была профессор **Мария Китанова**. Благодаря содействию профессора **Петра Буняка**, секретаря Международного комитета славистов настоящего конгресса, в *Сала за седнице* Филологического факультета была организована презентация «Българският литературен пантеон и славянският свят в научното наследство на **Борис Йоцов**: реконструкция на идеите» – Институт литературы Болгарской академии наук. Болгарский национальный проект «**Борис Йоцов** – славянството и Европа» был представлен профессором **Р. Дамяновой**, с докладом об идеях **Бориса Йоцова** в журнале «Родина» выступила профессор **С. Страшимирова**, научное наследие **Б. Йоцова** было прокомментировано в докладе **Д. Григорова**, д-р **А. Спасова** ознакомила аудиторию с архивами **Б. Йоцова** (Рис.2).

Издания Кирилло-Мефодиевского научного центра, опубликованные между XV и XVI Международным конгрессом славистов были представлены в *Библиотека града Београда* **С. Николовой, В. Желязковой**. Болгарские слависты приняли участие с докладами в различных секциях, тематических блоках и круглых столах. На пленарных заседаниях выступила **С. Николова**, в секциях, посвященных истории славянских языков, приняли участие **Д. Иванова, Ц. Досева, К. Иванова, Ц. Данова** и др., в фразеологической секции выступила **С. Георгиева**, в лингвокультурологической секции – **Ю. Чакырова**, в «Прагматике» – **М. Младенова, Д. Лесневская** и т.п. Болгарские слависты участвовали с докладами и в тематических блоках. Так, в тематическом блоке 1.2: Именные предикативы и дативные модели предложения в славянских языках с докладами представились **А. Градинарова** в соавторстве с русским болгаристом **Е.Ивановой**, а

также **Г. Петрова**. С докладом в данном тематическом блоке, посвященном дативно-предикативным структурам, выступила также сербский исследователь **Б. Марич**, автор статей в журнале «Болгарская русистика» и член международного редакционного совета международного болгарского электронного журнала «Русистика без границы».

Рис. 1. Участники болгарской делегации.

В круглом столе, посвященном славянской фразеологии в современном мире, приняла участие автор ряда статей в болгарском журнале «Болгарская русистика» – русский исследователь **С.Г. Шулежкова**.

В ходе заседания за круглым столом «Филологические ареальные исследования и современная славистика» принял участие профессор **Петр Буняк**, секретарь МКС 2018 и член Международной редакционной коллегии журнала «Болгарская русистика».

Активное участие принял в конгрессе (доклад в секции, посвященной грамматике современных славянских литературных языков, а также выступление в рамках круглого стола «**Александр Белич** в истории славистики») известный сербский профессор САНУ – **Срето Танасич** и др.

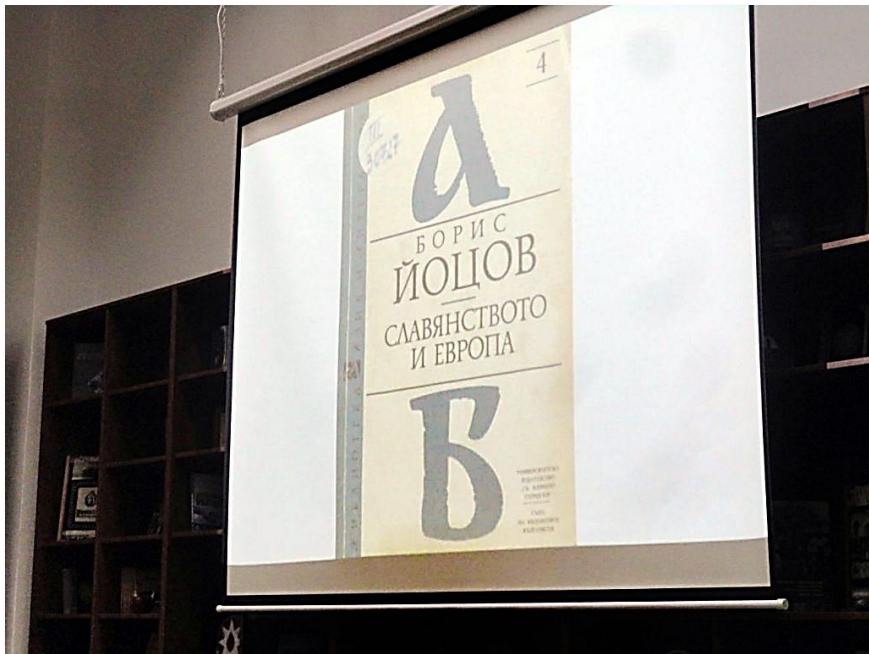

Рис. 2. Презентация Кирилло-Мефодиевского научного центра.

Болгарская делегация была принята в болгарском посольстве в Белграде.

Торжественная церемония закрытия конгресса состоялась в Зале героев (*Сала хероја*) Филологического факультета Белградского университета. Были подведены итоги работы конгресса и представлены статистические данные: заседали всего 115 секций, 32 тематических блока, представлены 25 презентаций и т.п. Декан филологического факультета профессор **Лиляна Маркович** выступила с заключительным словом, объявляя, что следующий Международный конгресс славистов состоится в Париже в 2013 г.

Проф. **Лиляна Маркович** вручила грамоты министрам и директорам, поддержавшим проведение конгресса, проф. **Петр Буняк** вручил грамоты председателям Комиссий, аккредитованных при МКС. От имени французских славистов выступила **Наталья Бернитская**. Впервые Международный конгресс славистов будет проводиться в неславянской среде – во Франции. **Н. Бернитская** заявила, что это большая ответственность для славистов неславянских стран.

Особые слова благодарности прозвучали в адрес Председателя Международного комитета славистов конгресса профессора **Бошко Сувайджича** и Секретаря конгресса профессора **Петра Буняка**. Торжественная церемония закрытия конгресса завершилась сербскими народными песнопениями.

Участники Конгресса были приняты в городской Ратуше (Мэрии) Белграда, где состоялся коктейль.

Работа XVI Международного конгресса славистов обобщена в двух сборниках: Том 1. Тезисы и резюме. Лингвистика. – Белград, 2018. – 373 с.; Том 2. Литературоведение, культурология, фольклор. Проблемы славистики. – Белград, 2018. – 314 с.

В первом томе в разделе «Болгария» опубликованы резюме докладов 18 болгарских участников конгресса: затрагиваются проблемы словообразования в славянских языках (**Ц. Аврамова, Ю. Балтова**), когнитивно-дискурсивный аспект фразеологической семантики (**С. Георгиева**), особенности древнеболгарской лексики (**Т. Илиева**), вопросы грамматических значений болгарского глагола (**И. Куцаров**), прагматические взаимодействия в лексической семантике (**М. Младенова**), прагмалингвистические особенности эпистолярного дискурса (**Д. Лесневская**) и др.

Во втором томе в разделе «Болгария» опубликованы резюме докладов 13 болгарских участников конгресса: процессам и моделям переводной рецепции посвящен доклад **А. Буровой**; средневековую славянскую книжность рассматривает в своем докладе **Ц. Досева**; проблемы и перспективы компаративизма в литературоведческой интерпретации представлены в резюме **З. Козлуджова** и др.

В Болгарии был опубликован сборник «Славянска филология». Доклады за XVI Международен конгрес на славистите. Белград,

Сърбия, 20 – 27 август 2018. БАН. Български национален комитет на славистите. – София, Изд. на БАН «Проф. М. Дринов», – 240 с. Рецензенти сборника – **В. Гешев, С.Николова**; Ответственный редактор – **М. Младенова**. В сборник включены 22 доклада болгарских участников конгресса: **В. Пенчева; З. Козлуджова; В. Радевой; Ю. Балтовой; Ц. Аврамовой; И. Куцарова; В. Маровской, С. Русковой-Джерманович; К. Чакыровой; М. Младеновой; М. Виденова, К. Исса; Д. Лесневской; Ю. Чакыровой; Д. Ивановой; Н. Ивановой; Т. Илиевой; М. Цибранской; Х. Тончевой; Н. Гаговой; Ж. Чолаковой; С. Димитровой; А. Буровой и Е. Дарадановой.**

XVI Международный конгресс славистов в Белграде, является знаменательным событием в истории славистики, в частности русистики и болгаристики. Болгарская делегация достойно представила достижения болгарской славистической компаративистики.

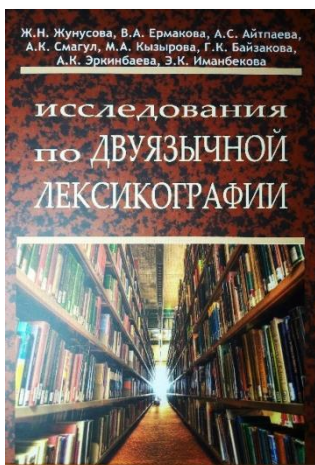
РЕЦЕНЗИИ

Стефка Георгиева
доктор филологии, профессор
Пловдивский университет
им. Паисия Хилендарского
Болгария, г. Пловдив
e-mail: stefka3@abv.bg

Stefka Georgieva
Professor, Ph.D.
University of Plovdiv
Paisiy Hilendarski
Bulgaria, Plovdiv
e-mail: stefka3@abv.bg

С. И. Георгиева

**ЖУНУСОВА Ж.Н., ЕРМАКОВА В.А., АЙТПАЕВА А.С.,
СМАГУЛ А.К., КЫЗЫРОВА М.А., БАЙЗАКОВА Г.К.,
ЭРКИНБАЕВА А.К., ИМАНБЕКОВА Э.К. ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ДВУАЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ. СОФИЯ: HERON
PRESS, 2018.– 239 С.**

Аннотация. В обзоре рассматривается первый опыт системного обобщения результатов научных изысканий казахстанских лингвистов, в основном, молодых ученых, в области теории и практики двуязычной лексикографии. Прослеживается тенденция развития современной казахстанской двуязычной лексикографии, предпринимается попытка определить перспективы и возможности развития исследуемой отрасли языкознания с привлечением материалов разных лексикографических источников.

Ключевые слова: разносистемные языки, казахстанская двуязычная лексикография, словарный материал

S.I. GEORGIEVA

**ZHUNUSOVA ZH. N., ERMAKOVA V.A., AYTAPEVA A.S., SMAGUYA
A.K., KAZAROVA M.A., BAYZAKOVA G.K., ERINBAEVA A.K.,
IMANBEKOVA E.K. SURVEY OF BILINGUAL LEXICOLOGY. SOFIA,
HERON PRESS, 2018, 239 P.**

Abstract. The review considers the first experience of systemic generalization of the results of scientific research of Kazakh linguists, mainly young scientists, in the field of theory and practice of bilingual lexicography. Here the tendency of the development of modern

Kazakh bilingual lexicography is traced, an attempt is made to determine the prospects and possibilities of development of the researched branch of linguistics with the use of materials from different lexicographic sources.

Keywords: heterogeneous system languages, Kazakh bilingual lexicography, dictionary material

С большим научным интересом познакомилась с увидевшей свет коллективной монографией ученых из Казахстана, так как на протяжении многих творческих лет в сферу моих научных интересов входило исследование языковых явлений болгарского и других славянских языков в сопоставительном аспекте. Особенно приятно, что данный труд вышел в известном болгарском издательстве Heron press, в Софии.

В течение ряда лет мы плодотворно сотрудничаем с одним из авторов монографии профессором Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева Ж.Н. Жунусовой. Наши творческие пути часто пересекаются на различных международных конференциях, форумах, семинарах в России, Болгарии, Иране, Польше, Германии.

Представленная коллективная монография объединяет научные исследования и практические наработки авторов по описанию различных языковых аспектов на материале двуязычных словарей, рассматриваются конкретные типы словарей, излагается современное состояние двуязычной лексикографии в Казахстане, рассматриваются тенденции и перспективы данного раздела лингвистики в современной научной парадигме. Особое внимание уделяется лексикографическим изданиям конца XX - начала XXI в.

На наш взгляд, задача авторов монографии заключалась не в построении всеобъемлющего обобщающего труда по состоянию двуязычной казахстанской лексикографии, а в накоплении системного описания языковых явлений на материале существующих двуязычных словарей с учетом последующего использования результатов описания в разных целях: научных, учебных, прогнозирующих и т.д.

Авторы сконцентрировались, в основном, на критическом осмыслении достижений последних десятилетий в области теории и практики двуязычной лексикографии,

анализе различных типов русско-национальных, русско-иностраных словарей, определении наиболее сложных ее насущных проблем в настоящее время и необходимости дальнейшего исследования лексикографического материала с привлечением других языков.

В монографии говорится, что настоящее издание не претендует на полноту охвата всех научных работ, посвященных вопросам теории и практики лексикографии в Казахстане, а ее цель – наметить основные направления, в которых ведутся подобные исследования.

Своевременность настоящего исследования определяется включенностью в круг современных прикладных исследований, направленных на поиски эффективных способов отражения языкового существования человека в глобальном мире и оптимизацию межъязыкового профессионального общения, а также необходимостью расширения эмпирической базы современной двуязычной лексикографии в аспекте новых направлений – грамматикографии, фразеологии, паремиологии, терминологии, неологии и т.д.

Данная коллективная монография «Исследования по двуязычной лексикографии», адресованная всем интересующимся теорией и практикой лексикографии, расширяет и систематизирует теоретические знания по двуязычной лексикографии, способствует совершенствованию практики составления словарей разного типа. Она заслуживает внимания читателей не только с разработкой общей и частной теории сопоставительной лексикографии, но и в связи с обсуждением и исследованием ряда существенных ее проблем, представляющих научный интерес.

Настоящее коллективное исследование обусловлено, с одной стороны, недостаточностью работ по теории и практике двуязычной лексикографии, с другой стороны, важностью формирования как теоретической, так и практической базы казахстанской двуязычной лексикографии. Результаты исследования важны не только для теории и практики лексикографии, но и для теории переводоведения, преподавания языков, теории межкультурной коммуникации, углубления проблематики лингвокультурологических исследований.

В Предисловии к монографии приводятся некоторые достижения казахстанской двуязычной лексикографии: перечень

созданных новых лексикографических изданий в республике, о научных интересах соавторов монографии в аспекте данного направления. Весь материал разбит на восемь разделов, каждый по определенной тематике.

Как отмечают авторы, настоящая монография является «результатом плодотворного межвузовского научного сотрудничества», которое нашло отражение в диссертационных исследованиях, выполненных в разные годы под научным руководством докторов филологических наук В.А. Исенгалиевой и Ж.Н. Жунусовой.

Систематизированный и обобщенный исследовательский материал отражает современное состояние и степень разработанности теории и практики казахстанской двуязычной лексикографии на обширном фактографическом словарном материале разносистемных языков (русском, казахском, английском) с позиции современных достижений лексикографии и предлагает решение целого ряда актуальных вопросов по теории и практике двуязычной лексикографии.

Как видно из представленных фрагментов исследовательских работ в них ставятся и решаются отдельные лексикографические проблемы: лексикографирование паремий, интерпретация иноязычных слов, семантизация глаголов эмоций и интеллектуальной деятельности, заромбовая зона словарных статей, лексикографизация фразеологизмов с различными компонентами и др. на конкретном материале русского, казахского и английского языков.

Авторы книги поднимают важные проблемы лексикографического описания значения слова в двуязычном словаре. В ней также обнаруживаем и перспективу развития, в сжатом виде прослеживается история двуязычной лексикографии как научной дисциплины, которая на современном этапе своего развития находится в активном взаимодействии не только с лингвистикой, но и использует теоретические и практические достижения смежных отраслей научного знания.

Казахстанская двуязычная лексикография развивается, обогащается идеями, научными материалами, новыми

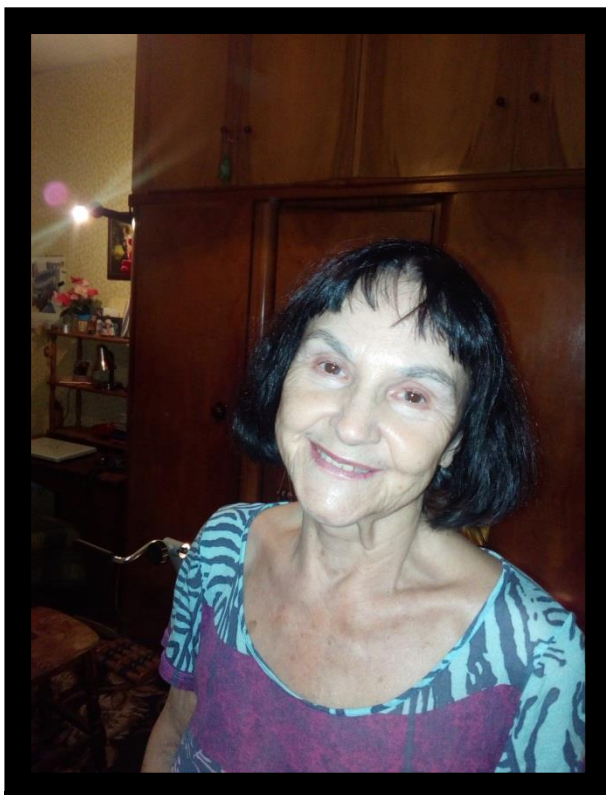
исследованиями, наблюдается растущий интерес к решению теоретических и практических проблем лексикографии, в том числе, двуязычной, расширяется круг научных направлений. В научных разделах монографии представлен обширный и разнообразный иллюстративный материал с доступным изложением для научного сообщества. Следует отметить, что ценным для адресованных лиц является перечень новой литературы по проблемам двуязычной лексикографии не только на русском, казахском языках, но и на иностранном языке.

Считаем, что появление представленной работы своевременно, актуально и затрагивает важнейшие вопросы развития современной лексикографии.

Несомненно, предлагаемая монография внесет определенный вклад в общую и двуязычную лексикографию. Ее с интересом будут изучать студенты, магистранты, докторанты, все те, кто интересуется проблемами теории и практики общей и двуязычной лексикографии.

IN MEMORIAM

ОРХИДЕЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА ИРИНА ЗАХАРИЕВА (1935 – 2018)

Вот я вижу ее, входящей в нашу литературную гостиную в Русском центре в Софии: стройная, как девушка, всегда с нежной, «монолизовской» улыбкой, одетая подчеркнута «молодежно», с едва заметным гримом на лице, с ухоженной головкой – она напоминает нежный цветок орхидеи, который так красиво расцвел особенно последние годы, пусть на склоне лет, - когда рядом с ней появился

задушевный верный друг по жизни и творчеству – Атанаска Методиева.

Когда человек уходит в мир иной, будто яснее вырисовывается его настоящая сущность, без суеты повседневной жизни, будто несущественное, брэнное отходит от него, и перед нами – вот он истинный человек, каким он предстанет пред Ним. Наша бесценная Ирина – Ирина Петровна Захариева, наша соотечественница, коллега, друг – оставила после себя образ необыкновенно чистый, светлый, одухотворенный. Она посвятила свою жизнь тому, чем особенно славится российская культура: г-же Литературе. Исключительно благородное и благодатное поприще, на ниве которого трудились и творили лучшие, талантливейшие сыны и дочери России. И продолжают – где бы они ни жили!

Безумно трудно писать в прошедшем времени о человеке, которого ты знаешь много лет, с которым судьба связала тебя такими прекрасными узами – высочайшим даром творить Слово... Перед мысленным взором вольно и невольно возрождаются картины наших встреч, разговоров, праздников – и ни одного мрачного воспоминания!

Всем нам в «наследство» от Ирины Захариевой осталось множество ее литературных трудов – талантливых, с большим багажом информации, с глубоким и оригинальным анализом творчества известнейших имен русской литературы, а также настоящим открытием многих новых, неизвестных нам или несправедливо забытых авторов. Щедро, научно-обоснованно и доступно делилась опытный литературовед И.П.Захариева своими знаниями и исследованиями со всеми нами – коллегами, студентами, читателями – в своих книгах, брошюрах, во время уже ставших традиционными, проводимых Союзом русскоязычных писателей Болгарии встреч «Литературная среда», на презентациях новых книг – своих и коллег...

В своей автобиографической повести «Призвание и судьба» /2013/ Ирина Захариева рассказала читателям о том, как и почему она оказалась именно в Болгарии, о своих первых шагах и встречах на гостеприимной болгарской земле, где она прожила много лет и где осталась навеки... Искренне, очень задушевно ведет она свой

рассказ, но каждый читатель чувствует за строками повести человека высокой культуры, прекрасного образования и положительного отношения к жизни и людям. Интеллигентный рассказчик, Ирина предстает перед нами и исключительно благородным человеком, помнящим Добро, умеющим быть благодарным – очень редкое человеческое качество в последнее время: она называет поименно, стараясь не пропустить никого, всех тех, кто был рядом с ней в продолжение всей ее жизни, с первых дней в Болгарии, до ее совсем недавнего прошлого... Она из тех, у кого, по выражению Эхила, хватало духу перенести успех другого...

Мне, как рецензенту книги И.Захариевой и А.Методиевой «О русской поэзии XX века», представлявшей ее в Российском культурно-информационном центре, так, казалось бы, недавно – в сентябре 2017 года, очень хочется особо остановиться на ней. Подзаголовок книги «Вечные голоса лирической стихии» в новых обстоятельствах – ухода Ирины – звучит лично для меня символически: «...вечный голос И. Захариевой – истинного Поэта русского Слова», прославлявшего его всю свою жизнь. Серебряный век, которому Ирина Петровна посвятила большую часть своего литературоведческого исследовательского творчества, разумеется, в свою очередь наложил на нее свой отпечаток, сформировав ее безупречный литературный вкус и даже собственно образ.

Мудрая, вечная Женщина.

В журнале «Болгарская русистика», также после выхода книги, была опубликована моя рецензия на нее. Позволю себе привести небольшой отрывок:

«В России литературу сравнивали со Священным Храмом духа и языка. Русские эмигранты говорили о литературе: «Наша Библия». В традицию вошло относиться к высокой литературе как к религии. Перманентная непредсказуемость российского бытия питала литературу, составляла ее *нерв*.»

Так начинается новая книга – плод совместного творчества двух авторов, Ирины Захариевой и Атанаски Методиевой. Именно такое – уважительное и трепетное чувство - вызывает и их литературоведческий труд.

...Серебряный век, который является ведущей темой книги - один из интереснейших и сложнейших для анализа периодов нашей литературы. Но авторы справились с поставленной задачей профессионально и, что не менее важно и впечатляюще - художественно: «литературоведческий роман» - так я определила жанр книги, потому что талант авторов проявился не только в усердии отражения глубины сложных процессов описываемого периода, но и в том, КАК они это делают: увлекательно, соблюдая целостность «сюжетной линии», не разрывая литературный ход истории...»

Вероятно, не самым подходящим сейчас прозвучит слово «прекрасно» в контексте нашей огромной потери, нашего горя, но - простите меня, друзья! - именно оно постоянно пульсирует у меня в голове, когда я вспоминаю Ирину: прекрасный литературный цветок орхидеи Серебряного века, подаренный нам самой Судьбой!

Поклон!

Светлая память!

Н. Ерменкова

ДОЦ. Д-Р ИРИНА ЗАХАРИЕВА
(21.09.1935 – 05.07.2108)

На 05.07.2018 година ни напусна завинаги доц.д-р Ирина Петровна Захариева (1935-2018). Загубата за мен, като ученик и спътник в живота за последните ѝ шест години, е голяма и непрежалима. Цялата колегия на списание «Болгарская русистика», всички членове от Съюза на рускоезичните писатели в България, Приятелите на руската книга към РКИЦ, както и катедрата по Руска литература на СУ «Св. Климент Охридски» скърбят. Ирина живя щастливо, осмисляйки не само литературата, но и отношенията с хората през призмата на ценностите и високите нива на енергия. Тя странеше от битовата и суетливата страна на живота. Беше строга, но много предана, когато усетеше срещу себе си човек, на когото може да разчита и с когото може да споделя творческите си планове и занимания, особено ценеше хората на духа.

Ирина Петровна, както повечето ѝ колеги я наричаха, е родена в град Воронеж, Русия на 21.09.1935 г. Завършва Санкт-Петербургския, тогава Ленинградския университет, със специалност Руски език и литература. Много малко хора знаеха, че първата година поради техническа грешка е учила специалността «Класическа филология», след което се прехвърля в желаната си специалност. Тези ѝ занимания с древното слово бяха създали у нея особена чувствителност към изкуството. След обучението в задочна аспирантура в Уралския университет в Екатеринбург, тогава Свердловск, успешно защитава дисертация пред специализиран научен съвет на Ленинградския университет (1971) с тема, в която обединява българо-руските литературни връзки – «Пенчо Славейков и руская литература». Научният ѝ консултант от България е академик Петър Динев.

След омъжването ѝ за българина, който учи в Русия, Георги Захариев, тя пристига в България. Първоначалните години са свързани с преподаването на руски език и литература в различни софийски училища. Тя особено ценеше последното от тях, 133 «А. С. Пушкин», от което има много топли спомени от будните деца и сплотения учителски колектив. Ирина се занимава и с множество преводи от български на руски език, автор е на поредица от предговори към изданията на български класици. От 1960 година превежда на руски език в *Издателство за литература на чужди езици*. Едни от забележителните заглавия на встъпителни статии са: «Белетристичното наследство на драматурга» – предисловие към книги с разкази: К.Тренъв. Два милиона (София, 1978), «Като в капка вода...» – предисловие към двутомника: Д.Мамин-Сибиряк. Избрани творби, т.1 (София, 1978), «В света на героите на Алексей Толстой» – предисловие към изданието: А.Толстой. Детството на Никита. Повести и разкази. Серия «Световна класика за деца и юноши» (София, 1982).

От 1975 година е асистент по руска литература на XX век, в катедрата по Руска литература на СУ «Св. Климент Охридски». През 1982 година получава академичното звание доцент. В течение на 18 години чете курс лекции по руска литература на XX век пред студенти от специалност «Руска филология». Няма никога да забравя

какво ми казваше за тях: «Те за мен бяха всичко. Разчитах на техните будни и замислени погледи». Чете и спецкурс, свързан с емигрантската литература, а през 2003-2004 година провежда пред студенти магистри спец курс на тема: «Русский формализм и структурализм: идеи и концепции двух методологических направлений в литературоведении XX века». Впоследствие издава брошура с това заглавие през 2004 година, с помощта на г-жа Наталия Ерменкова, а през 2014 г. второ издание - електронна книга в Литернет.

Ирина Захариева е един от авторите на учебника по съветска литература за 10 клас на Средното училище (I издание - 1982 г., II изд. – 1986 г., III изд. - 1989 г.). Въпреки претенциите на заглавието, учебникът има раздел за съвременна литература и някои автори се въвеждат с нова гледна точка.

Ирина Захариева публикува не само в България, но и в много славянски държави – Чехия, Полша, Сърбия, Беларус. Дългогодишен сътрудник на «Opera slavica» – Чехия. Забележителен е нейният труд «Лирика Есенина: эмоциональность и образность, публикуван в книгата «Репрезентативные модели художественного текста. Сборник научных трудов».

От 1976 година Ирина Захариева редовно публикува статии в «Болгарская русистика», орган на Дружеството на русистите в България. В списание «Болгарская русистика» по това време се анализира творчеството на писатели, за които се мълчи в учебно-методологическите издания в периода. Захариева мощно въвежда имена като Вл. Висоцки, Б. Ахмадулина, А. Вознесенски, М. Зощенко и т.н.

Периодът на изследователски търсения и задълбочена работа след 90-те години се оказва изпълнен с множество книги, които доц. Захариева издава последователно. Така се появяват в следния ред: «Проблемы советской литературы» (София, 1990), «Художественный синтез в русской прозе XX века» (София, 1994); «Русский формализм и структурализм (Идеи и концепции двух методологических направлений в литературоведении XX века)». Електронното издание «Русский формализм и структурализм» се осъществи след десет години в 2014 году в издателството «Литернет». Последни по време

на издаване са книгите: «Русские поэты XX века: феноменальные эстетические структуры» (София, 2007), «Аспекты формирования канона в русской литературе XX века» (София, 2008), «Становление русской литературной классики-III. Творческие новации писателей XX века» (София, 2012), «Конфликтное самоутверждение русской литературной классики – IV» (София, 2013), «Русский роман XX века: авторские опыты спецификации жанра» (София, 2014). «Пятая книга формирования литературной классики XX века: канонизированные формосмыслы, образы и сюжеты русской словесности» /София, 2016), «О русской поэзии XX века. Вечные голоса лирической стихии» (София, 2017) в съавторство с мен, д-р Атанаска Методиева, нейната спътница и последовател в разбирането за литературата. Ирина планираше последната си книга «Романный эпос», за която не стигна време да оформи и подреди и която се надяваме да излезе посмъртно.

Дейността на Ирина Петровна дълги години е свързана с участие на конференции с помощта на МАПРЯЛ. Тя беше активен член на Дружеството на русистите, дълги години лектор в клуба «Приатели на руската книга», особено удовлетворение ѝ носеше членството в Съюза на рускоезичните писатели, където тя общуваше със свои сънародници. Ръководителят на Съюза, г-жа Наталия Ерменкова, я изпрати с много топло слово и истински приятелски думи на ритуалното поклонение. В последната година от живота си поне веднъж в седмицата публикуваше литературни портрети във вестник «Русия днес – Росия сегодня», където запознаваше читателите с нови автори и личности на изкуството. Всеки петък двете чакахме с нетърпение вестника. Ирина Захариева си отиде завинаги като зам.гл.ред. на списание «Болгарская русистика», поддържана от доц.д-р Илияна Владова и доц.д-р Димитрина Лесневска.

Ирина, почивай в мир! Поклон пред светлата ти памет!

д-р А. Методиева

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bolgrusistika@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликовывавшиеся **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: borisov@rambler.ru
Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru
(10 пунктов)

И.В. Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами
Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V. Borisov (11 пт.)
THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами
Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2],[7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт.).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // *Стиль*. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com

Броят се издава с финансовата подкрепа на председателя на Дружеството на русистите проф. Валентина Аврамова.